

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН

ФИТЦЕК

Национальный
бестселлер № 1
от самого известного
немецкого автора
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ТРИЛЛЕРОВ

ТОТ,
КТО
ВИНОВЕН

Роман возглавляет
список бестселлеров **SPIEGEL**

Продано **12 000 000** экземпляров

Иностранный детектив

Себастьян Фитцек

Тот, кто виновен

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

Фитцек С.

Тот, кто виновен / С. Фитцек — «Центрполиграф»,
2015 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-07604-5

Макс Роде — писатель-неудачник, но вполне законопослушный гражданин, чего не скажешь о его брате Космо, который отбывает превентивное заключение в психиатрической больнице. Макс ни разу в жизни не нарушал закон, но через несколько дней ему предстоит совершить одно из самых ужасных преступлений, на какие только способен человек. Правда, сегодня он еще не подозревает об этом, в отличие от тех, кто хочет устранить его, пока еще не слишком поздно.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-227-07604-5

© Фитцек С., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Тот, кто виновен	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	51
Глава 18	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Себастьян Фитцек

Тот, кто виновен

Sebastian Fitzek
Das Joshua Profil

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Издается с разрешения AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de)

Das Joshua Profil Copyright © 2015 by Sebastian Fitzek (www.sebastianfitzek.de) Originally published 2015 by Bastei Lübbe AG in Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Тот, кто виновен

Роман

Посвящается Роману Хоке

*Now I'm not looking for absolution
Forgiveness for the things I do,
But before you come to any conclusions
Try walking in my shoes.¹*

Depeche Mode

Помещение напоминало классную комнату. *Убогую* классную комнату, потому что буровато-желтые стулья с неснашиваемыми металлическими полозьями и такие же парты выглядели как принесенные с блошиного рынка. Исчерканные, потертые многими поколениями школьников и давно пришедшие в негодность, они казались здесь неуместными.

– Садитесь, – велел нам отец и прошагал в дальний конец комнаты, где он и правда установил доску. На ней белым мелом было написано: «Non scholae sed vitae discimus»².

– Где это мы? – прошептал Марк, но недостаточно тихо.

Отец обошел вокруг доски.

– Где мы? – рявкнул он. На губах появилась легкая усмешка. Он до хруста сжал пальцы. – ГДЕ ЭТО МЫ?!

Отец закатил глаза и треснул обеими ладонями по учительской кафедре перед собой. Но тут же успокоился, потому что следующие слова произнес уже значительно тише. Только во взгляде было некое дрожание, словно за зрачками на ветру трепетала свеча.

– А на что это похоже?

– На какую-то школу, – сказал Марк.

– Точно. Но это не *какая-то* школа. И уж тем более не *просто* школа. А ТА САМАЯ школа. Единственная, которая считается.

Отец снова велел нам сесть, и на этот раз мы его послушались. Опустились за парты в среднем ряду, Марк справа, а я слева от отца, который встал посередине прохода, как наш старый учитель латыни Шмидт. Правда, он не спрашивал слова, а произносил какой-то странный монолог.

– Там, куда вы ходили до сих пор, вас обманывали. Вас научили читать, писать и считать. Вы понимаете английские тексты, знаете, чем отличаются млекопитающие от рептилий и почему Луна не падает на Землю. По крайней мере, я надеюсь, что вы это знаете, потому что хотя бы иногда отвлекались на занятиях от мыслей, в какие еще трусики сунуть свои грязные пальцы.

¹ Теперь я не жду отпущения грехов, Прощения за все, что натворил. Но, прежде чем сделать какие-то выводы, Попробуй встать на мое место. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Не для школы, а для жизни мы учимся (*лат.*).

Я покраснел. Еще никогда отец не говорил с нами так вульгарно. От стыда я был готов провалиться сквозь землю. Я посмотрел на Марка и почувствовал, что ему не лучше.

– Вам внушают, что нужно учиться на ошибках истории, показывают атлантов, чтобы вы лучше поняли мир, и периодическую систему элементов, из которых якобы состоит Вселенная, но вас не учат самому важному. Знаете, о чем я говорю?

Мы помотали головой.

– Нет. Вы ничего не знаете. И я не цитирую педофила Сократа. Вы знаете меньше чем ничего, но это не ваша вина. Это вина никчемных так называемых педагогов, которые скрывают от вас самый важный предмет, нет, даже ПЕРВОСТЕПЕННЫЙ предмет, который когда-либо преподавали на этой планете и без которого человек давно бы исчез как вид. Ну, о чем же я говорю? Кто мне скажет?

Меня бросило в жар от страха, как перед контрольной, к которой я ничего не выучил. Только в этот раз возникло ощущение, что я еще никогда в жизни не был так плохо готов к экзамену.

– Ни один?

Я мельком взглянул на Марка – он тоже опустил голову. Мне вдруг захотелось в туалет, но я не решался попроситься.

– Ну ладно, тогда я вам помогу, – тихо пробормотал отец, словно обращаясь к самому себе. Я поднял голову и увидел, что он возится со своим ремнем. Неожиданно у меня перед глазами что-то сверкнуло. От металла отразился свет.

– Что ты делаешь? – спросил я отца, замерев от ужаса. Никогда еще я не видел у него такого отсутствующего взгляда. И этого длинного ножа с зубчиками в руке.

– Подумайте, какой же предмет я имею в виду? – спросил он и перевел взгляд на Марка, который по-прежнему не решался поднять глаза, что, видимо, и заставило отца начать с него.

В два шага он оказался рядом с Марком, схватив за волосы, запрокинул его голову назад и приставил нож к горлу.

– Папа! – закричал я, вскакивая со стула.

– Сядь на место! – Отец пронзил меня взглядом, казалось, вместо глаз у него появились еще два ножа. Моему брату, у которого со лба катился пот, он сказал: – Подумай, малыш. Чему я буду вас учить?

Марк дрожал. Все его мускулы были напряжены, словно сведенные судорогой, и казалось, вот-вот лопнут.

Я прочитал ужас на его лице, увидел, как между ног у него потемнела намокшая ткань штанов, и в тот момент, когда я почувствовал запах смертельного страха, мне пришло в голову, что именно хочет услышать от нас отец, каким бы сумасшедшим и ужасным ни был этот ответ.

– Убивать, – сказал я и тем самым спас брата.

– Убивать? – Отец обернулся ко мне. Лишь спустя секунду он отвел нож от шеи Марка и удовлетворенно улыбнулся. – Очень хорошо. Тебе звездочка в журнал.

Без какого-либо намека на иронию в голосе он похвалил меня за ответ и одобрительно кивнул:

– Правильно. Вы никогда не учились убивать. Никто вам этого не показывал. Но не переживайте, сейчас мы исправим это упущение.
Макс Роде. Школа крови, глава 24, с. 135–139

Бог не играет в кости!
Альберт Эйнштейн

А если и играет – мы его вычислим.
Руди Клауснитцер. Конец случайности

Глава 1

БЕРЛИН

Тринадцать трупов, одиннадцать изнасилованных женщин, семь искалеченных, столько же похищенных и две прикованных к трубе отопления сестры, которые умрут мучительной смертью от голода, если их вовремя не обнаружат. Пока что я доволен своими результатами, и даже улучшил бы их сегодня на одно убийство, если бы в 15:32 мне не помешали – я как раз собирался сбросить беззащитную жертву в берлинскую канализацию.

Сначала я пытался игнорировать звонок; обычно выключаю сотовый телефон на время работы, но сегодня понедельник, а по понедельникам моя очередь забирать десятилетнюю дочь с занятий, даже если жена, пилот международных авиалиний, в порядке исключения находится в стране, что, к сожалению, случается нерегулярно из-за ее графика работы.

На дисплее высветился неизвестный номер, но время примерно соответствовало. У Йола как раз должна была закончиться тренировка по плаванию, и, возможно, она звонила мне с телефона подружки. Я решил не дожидаться, пока включится голосовая почта, несмотря на опасность быть втянутым в разговор с агентом кол-центра, который будет пытаться навязать мне какую-нибудь дополнительную стоматологическую медицинскую страховку или пакет кабельного телевидения и которого нисколько не волнует, что моя банковская карта уже несколько месяцев в овердрафте.

Поэтому я раздраженно прищелкнул языком, сохранил главу триллера, над которым работал, даже не закончив предложение, и схватил с письменного стола жужжащий сотовый телефон. В результате именно это привело к тому, что я стою сейчас в пробке на Авусе³ где-то в районе Хюттенвег и требую от своей дочери пять евро.

– Я не буду платить. – Йола помотала головой и упрямо уставилась сквозь опущенным стеклом на железнодорожные рельсы, которые тянулись параллельно городской автомагистрали. Была середина августа, мы стояли в пробке под палящим солнцем, над крышами машин перед нами дрожал воздух, и у меня было чувство, что я сижу в кастрюле-скороварке, а не в своем старом «фольксвагене»-«жуке».

– У нас есть уговор, – напомнил я ей.

Пять евро каждый раз, когда меня вызывают на «беседу», потому что Йола снова что-то натворила.

– Я думала, это касается только школы. А не свободного времени.

– Ты забываешь, что господин Штайнер не только твой частный тренер по плаванию, но и официальный учитель физкультуры. Так что давай сюда деньги!

Йола посмотрела на меня, словно я заставлял ее обрезать темные локоны, единственное, чем дочь гордилась в своей внешности. А так она ненавидела свой кривой нос, тонкие губы, слишком длинную шею и «уродливые ступни» (ей казалось, что у мизинчика слишком маленький ноготь) и нежную родинку на щеке. Особенно родинку, которую заклеивала пластырем в те дни, когда была сильно не в духе.

– Это нечестно, – заныла она.

– Нечестно то, как ты поступила с Софией.

Я изо всех сил старался не улыбнуться, потому что мне это казалось не таким уж и ужасным, по сравнению с тем, что я сам вытворял в ее возрасте. Но воспоминание о неприятном разговоре в бюро тренера помогло принять сердитый вид.

³ Авуc – бывшая гоночная автотрасса в Берлине.

«Я знаю, Йола бесспорно лучшая в команде, и я действительно на многое закрываю глаза, – сказал мне на прощание пловец Штайнер. – Но если она еще раз позволит себе подобное, я вышвырну ее из команды».

– София назвала меня убудком, – начала оправдываться Йола.

– И поэтому ты налила ей средство для мытья посуды в бутылку из-под шампуня?

У Софии под душем случилась истерика: волосы не переставали пениться, сколько бы она их ни промывала. Пена заполнила всю душевую до самой раздевалки.

– Я всего лишь устроила ей головомойку. – Йола оскалила зубы, но достала мятую купюру в пять евро из переднего отделения рюкзака, где хранила айпод и карманные деньги.

– Ты же знаешь, что споры лучше разрешать словами? – спросил я ее.

– Конечно, как в твоих книгах.

Один – ноль в ее пользу.

Йола помахала купюрой.

– Положи в бардачок, – попросил я ее и прокатился на два метра вперед. Видимо, где-то у радиобашни пробку прорвало. Мобильное приложение по пробкам еще не обновилось, но уже десять минут поток черепашим ходом продвигался вперед.

– Эй, чипсы, клево!

Она вытащила пакет, который был засунут в тесный бардачок, и я в последнюю секунду успел помешать ей разорвать упаковку.

– Стоп, нет! Это подарок для мамы!

Она недоуменно взглянула на меня:

– Что?

– Да. На следующей неделе, на годовщину свадьбы.

– Картофельные чипсы? – Йоле было не обязательно крутить пальцем у виска, я и так видел, что она обо всем этом думает.

– Не просто какие-то картофельные чипсы. – Я ткнул на логотип на пачке. – Чипсы «Пенг».

– Ясно.

– Да, их больше не делают. Сняли с производства несколько лет назад. Разве я тебе не рассказывал о нашем с мамой первом свидании?

– Всего лишь тысячу раз! – Йола закатила глаза и принялась перечислять основные моменты этой истории: – Вы хотели пойти в автомобильный кинотеатр. Ты припарковал своего «жука» у Альди за углом, но, когда фильм закончился и вы решили поехать домой, оказалось, что Альди закрыт, а парковка перекрыта.

Я кивнул и продолжил:

– Так что мы устроились поудобнее с чипсами «Пенг» и вишневой колодой, глядели через лобовое стекло на пустой дискаунтер и представляли, что смотрим «Парк юрского периода».

Всякий раз, когда я думал о том вечере, у меня на губах появлялась глупая, самозабвенная улыбка. Ким и я, тесно прижавшись друг к другу, сидели на переднем сиденье, и я в ярких красках пересказывал ей фильм, сюжет которого только что выдумал, – это до сих пор одно из самых прекрасных воспоминаний в моей жизни. Конечно, за исключением того дня десять лет назад, когда нам разрешили оформить опеку над Йолой.

– Мы с твоей мамой тогда подсели на эти острые штуки, – сказал я и проехал еще немного вперед. – В тот день, когда их убрали из ассортимента, для мамы рухнул целый мир.

– Похоже, для нее это была настоящая катастрофа.

Мы оба ухмыльнулись.

– Да. Поэтому я нашел производителя и убедил его сделать для меня еще раз одну-единственную упаковку. Мама с ума сойдет, когда увидит ее.

– Наверняка, – сказала Йола без особого восторга, сунула пять евро в бардачок и закрыла его.

– Этого точно хватит, чтобы она изменила мнение.

Я хотел спросить Йолу, что она имеет в виду, но отвлекся: какой-то идиот на внедорожнике рядом с нами пытался перестроиться в другой ряд, как будто это поможет пробке рассосаться быстрее. Кроме того, мне и так стало ясно, что Йола понимает намного больше, чем следует. Она настолько проницательна, что, сколько бы мы ни старались держаться и не ссориться в ее присутствии, все напрасно. Хотя даже наедине Ким и я никогда не заговаривали о расставании, но слабые признаки отчуждения не могли остаться незамеченными Йолой.

– Мы поедem сейчас есть пиццу, как договаривались?

Прежде чем я успел объяснить Йоле, что она вообще-то этого не заслужила, мой сотовый зазвонил во второй раз за день. Я взял его с панели и посмотрел на экран. Опять неизвестный номер.

Йола открыла бардачок и снова вытащила оттуда свои деньги.

– *Это* еще почему? – спросил я в перерыве между звонками.

– Телефон во время езды на автомобиле, – напомнила она мне о второй части нашего – пусть и несколько странного – соглашения о карманных деньгах. Если я ругаюсь, делаю что-то запретное или переносу встречу или отменяю договоренность, она имеет право на денежную компенсацию.

– Мы стоим, – запротестовал я и указал на колонну машин перед нами.

– Но мотор работает, – возразила Йола и сунула пять евро себе в карман. Качая головой и ухмыляясь, я ответил на звонок.

Моя улыбка исчезла с первым словом, которое произнес неизвестный.

– Алло?

Боль. Первая мысль, которая пришла мне в голову. *У этого человека боли.*

– Кто это?

Я услышал электронное пиканье, напоминающее будильник, потом последовала длительная пауза, и мне даже показалось, что связь прервалась.

– Алло?

Ничего. Только короткий статический шорох. Когда я уже хотел положить трубку, мужчина сказал:

– Я лежу в реанимации в Вестэнде⁴. Приезжайте быстрее. У меня осталось не много времени.

Я зажмурил глаза, потому что капля пота с брови вот-вот собиралась упасть на ресницы. Рядом со мной Йола обмахивалась рекламным проспектом, который нашла где-то под сиденьем.

– Возможно, вы ошиблись номером? – спросил я мужчину с дрожащим голосом.

– Не думаю, господин Роде.

Ладно, значит, он знает, как меня зовут.

– Простите, с кем я говорю? – спросил я его снова, на этот раз уже нетерпеливо.

Мужчина откашлялся и, прежде чем положить трубку, произнес после продолжительного мучительного стона:

– Вы говорите с человеком, у которого есть жена, четверо детей, шесть внуков и силы на один-единственный звонок за несколько минут до смерти. Не хотите узнать, почему он тратит их именно на вас?

⁴ *Вестэнд* – район Берлина на западе города.

Глава 2

Польская пословица гласит: «Любопытство убило кошку».

Писателя, вероятно, тоже. По крайней мере, такого, как я.

Через полчаса, когда пробка растаяла, я стоял в кабинете главврача реанимации клиники в Вестэнде и задавался вопросом, не потерял ли я вконец рассудок.

Вряд ли разумный отец семейства стал бы встречаться с анонимом, который звонит и вызывает его к своему смертному одру, но шесть лет назад я не просто так оставил работу судебного репортера на частном радиоканале. Именно любопытство к людям и их тайнам заставило меня пересечь за письменный стол и сделало из меня писателя, пусть и не особо успешного; за исключением моего первого триллера. «Школа крови», которая скорее соответствует жанру ужасов, продана почти восемьдесят тысяч раз. Первый из пяти романов. И мой единственный бестселлер, занявший двенадцатое место в списке лучших романов в мягкой обложке. Продолжением заинтересовалась уже только половина читателей, а последняя книга даже не окупилась. За исключением первого романа, другие мои книги больше не продавались. Если дело дойдет до развода, то жена должна будет платить мне алименты.

Стыдно, но так и есть.

К сожалению, приходится исходить из того, что следующий триллер, срок сдачи которого всего через несколько месяцев, тоже будет провалом. Я написал уже сто двадцать две страницы и все еще не нашел подход к действующим лицам. Обычно они начинают жить собственной жизнью уже после первой главы, а я деградирую до наблюдателя, которому самому не терпится узнать, что его герои выкинут в следующий момент. Но сейчас я напечатал уже четырнадцать глав, а фигуры по-прежнему делали исключительно то, что я указал для них в экспозе. Нехороший знак. И вероятно, главная причина, почему я ухватился за визит в больницу как за желанную возможность отвлечься, которая обещала гораздо больше эмоций, чем то, что я пытался высосать из пальца дома за письменным столом.

– Пациент переживает парадоксальную фазу, – просветил меня доктор Ансельм Грабов, едва я переступил порог его кабинета, который представлял собой заваленную документами и медицинскими учебниками комнатку, намного меньшую, чем та, которую я описал в одном из своих романов.

Бородатый врач, видимо предупрежденный о моем приходе, не стал утруждаться и предлагать мне присесть, а сразу перешел к делу:

– Пациент еще в сознании и реагирует. Это не нетипично при таких повреждениях. Затронута более восьмидесяти процентов кожи, почти на всех зонах ожоги третьей, на некоторых – четвертой степени.

Таким образом, мой вопрос о прогнозах стал излишним.

Врач нервно теребил петлю на своем халате с пятнами и смотрел на меня налившимися кровью глазами, такими воспаленными, словно его с открытыми глазами окунули в аквариум, полный медуз. Или он устал как собака, или у него конъюнктивит, или же он страдает от аллергии.

– Вообще-то мы бы уже давно интубировали его и ввели в искусственную кому, но пациент категорически запретил нам делать это. В той парадоксальной фазе, в которой он сейчас находится, у него достаточно стабильное кровообращение, но это продлится не долго. Мы исходим из того, что он скоро потеряет сознание, а все органы откажут.

– Как его зовут? – спросил я. – То есть кто этот мужчина и почему он хочет поговорить именно со мной?

У доктора Грабова опустились уголки губ, и он взглянул на меня с таким видом, будто только что наступил на собачьи фекалии.

– Я не имею права говорить вам это, – ответил он и, прежде чем я успел запротестовать, добавил: – Мой пациент дал мне категоричные и точные указания относительно предоставления сведений. Он освободил меня от обязательства соблюдать врачебную тайну лишь настолько, чтобы я сообщил вам следующее: около шести часов назад его доставили сюда с тяжелыми ожогами после попытки самоубийства...

– Самоубийства?

– По его собственным словам, да.

Стало ясно, что от врача больше ничего не добиться, и я решил не тратить впустую драгоценное время и парадоксальную фазу пациента. Тем более что я оставил Йолу сидеть в машине на парковке – это стоило мне еще пяти евро, потому что из-за непредвиденных обстоятельств сдвигался намеченный поход в пиццерию.

Доктор Грабов попросил медсестру – по внешнему виду, южных кровей – проводить меня в реанимацию, где мне выдали зеленый одноразовый комбинезон, маску и резиновые перчатки.

– Порядок есть порядок, – сказала медсестра, закрывая за мной дверь палаты и оставляя меня наедине с мужчиной, который – в отличие от фиктивных фигур в моих романах – действительно через несколько часов или даже минут собирался умереть мучительной смертью.

По телефону я удивлялся его искаженному от боли, дрожащему голосу. Сейчас, спустя сорок пять минут, я стоял перед его регулируемой по высоте гидравлической больничной койкой и задавался вопросом, как умирающий незнакомец на синтетическом матрасе небесно-голубого цвета вообще смог дотянуться до телефона.

Мужчина выглядел так, словно какой-то сумасшедший хирург препарировал его наживую; он напоминал еще дышащий объект изучения студентами-медиками на занятиях анатомии. У правого глаза не хватало верхнего века. Его как будто сняли шлифовальной машиной. Вместо лба, щек, подбородка и висков я видел обваренную рану, пронизанную молочного цвета сухожилиями и пульсирующими кровеносными сосудами. Все тело, от ступней до шеи, было покрыто стерильными повязками; за исключением мест доступа для капельницы с морфием и электролитного раствора мужчина был практически полностью мумифицирован – это навело на мысль о том, что под повязками тело выглядело так же, как и лицо.

Какое счастье, что Йола ждет внизу в машине. Я сказал ей, что забегу навестить знакомого врача, которого сначала не узнал по голосу из-за плохой телефонной связи и который хотел отдать мне документы, важные для работы над моей книгой. Я не люблю обманывать Йолу, но из-за ужасного вида, открывшегося мне здесь, я был очень рад, что прибегнул к этой вынужденной лжи.

И что теперь?

Дверь за мной закрылась уже две минуты назад. Две минуты, на протяжении которых я не знал, куда смотреть и что говорить. Я смущенно откашлялся, так как жертва пожара не подала никаких знаков жизни, кроме легкого подергивания.

– Простите? – обратился я к нему, и сам почувствовал себя в какой-то парадоксальной фазе, пусть наверняка и не такой болезненной, как та, в которой находился обреченный на смерть. Я самому себе казался непрощеным гостем. Тот факт, что меня настоятельно пригласили сюда, нисколько не придавал мне уверенности. – Вы меня слышите?

Мужчина, пристально уставившийся уцелевшим глазом в потолок палаты, кивнул. Из дыры в лице, там, где раньше должен был находиться рот, вырвался свистящий звук. Он смешался с шумом аппарата для поддержания дыхания: трубки торчали из покрытых корками ноздрей. Я снова смущенно откашлялся, не зная, что сейчас делать. Мой комбинезон шуршал при каждом движении. В комнате пахло дезинфицирующими средствами, жженой кожей и бензином – в случае с последним мои органы обоняния, вероятно, сыграли со мной злую шутку. Я ненавижу запах бензина. С детства боялся этой жидкости, настоящая фобия, которая превращала заправочные станции в не самое мое любимое место нахождения.

Наверное, я всего лишь вообразил этот «запах страха», как мысленно его называл. Но в отделении было невыносимо жарко, это точно. На улице разогрелось до тридцати одного градуса, здесь внутри, наверное, было чуть прохладнее, но зато ни малейшего дуновения ветерка. Я чувствовал, как пот стекает у меня по спине, и задавался вопросом, может ли жертва пожара вообще воспринимать жару.

– Вы хотели со мной поговорить? – Голос мой прозвучал как у слуги, явившегося по звонку колокольчика своего хозяина.

Еще кивок. И еще один выдох со свистом. Мне захотелось почесаться. Резинки медицинской маски щекотали меня за ушами, но по какой-то причине я не хотел двигаться. Пока незнакомец не раскроет причину моего приезда сюда.

– Идите, – произнес мужчина на удивление ясным голосом.

– Куда?

– Сюда. Ко мне. – Он похлопал перебинтованной ладонью по покрывалу.

Все что угодно, только не это.

Я не сяду к нему на край кровати. Мое любопытство было не таким сильным. Но все же достаточным, чтобы я наклонился.

– Мне очень жаль... – прошептал умирающий, когда я приблизился к нему настолько близко, что почувствовал его дыхание на своей щеке, – но Иешуа выбрал вас.

Глава 3

Йола не заметила, что кто-то подошел к машине. С «Биффи Клайро»⁵ в наушниках на зашкаливающей громкости она не услышала бы, приземлился ли за «жуком» даже вертолет, только удивилась бы неожиданно завертевшейся вокруг листве. Поэтому у Йола почти остановилось сердце, когда через открытое окно неожиданно просунулась рука и тронула ее за плечо.

– Черт, вы меня напугали.

Она вытащила наушники и выключила свою любимую музыкальную группу. Кровь прилила к ее щекам – состояние, которое Йола ненавидела, потому что с ней такое часто случалось в моменты волнения, и тогда все видели, какая она трусиха.

– Извини, мне очень жаль. Ты Йола?

Она кивнула и зажмурилась, потому что солнце неудачно отражалось от пластикового бейджа на белом халате, к тому же имя было напечатано так мелко, что Йола с трудом могла его разобрать.

Вестэнд. Отделение 6, д-р. Шмидт, Шмитт – или Шмиц?

– Меня послал твой отец.

– Мой отец?

– Да, я должен отвести тебя к нему.

– Да? Зачем?

– Только не пугайся, но ему не очень хорошо. Ты должна побыть с ним, пока приедет твоя мама.

– О, ладно.

Переживания за отца снова разогнали ее пульс до темпа рок-песни, которую она только что слушала.

– А что случилось?

– Все вышло очень глупо. Он хотел показать своему другу, нашему главврачу, прием кикбоксинга, но запнулся, упал и, видимо, сломал ногу.

– Серьезно? – Йола покачала головой. *С него даже на секунду нельзя спускать глаз?*

Вот тебе и «пиццу мы потом наворачстаем».

Иногда она задавалась вопросом, кто из них двоих ребенок, а кто взрослый.

– Ладно, и где он сейчас? – спросила Йола и схватила рюкзак. Машину можно оставить открытой. Единственная ценность в этом ржавом корыте – упаковка чипсов «Пенг» в бардачке, а они вряд ли заинтересуют вора.

– Пойдем, я отведу тебя к нему, – сказал доктор Шмидт, Шмитт или Шмиц и взял ее за руку.

Йоле это не понравилось, потому что его ладонь была неприятно влажной и почти скользкой на ощупь, но она не хотела показаться невежливой, а в такую погоду можно ведь и вспотеть. Так что она улыбнулась в ответ, надеясь, что дорожка, по которой они пошли в направлении парка, короткая.

⁵ «Биффи Клайро» (Biffy Clyro) – шотландская рок-группа.

Глава 4

Иешуа меня выбрал?

Я чувствовал себя идиотом, сейчас, когда старик в реанимации произнес первое полное предложение. По какой-то причине мне казалось, что это *старый* мужчина, наверное, потому, что неосознанно надеешься, что тебе никогда не придется столкнуться с умирающим твоего возраста или даже моложе.

Иешуа! Ну, отлично.

Библейский фанатик!

Я пробормотал извинение, сам не зная за что, и развернулся. В этот самый момент снова услышал голос мужчины:

– Стойте. Подождите!

Я оглянулся. Обожженная кожа на лице умирающего словно стала еще темнее.

– Вам нужно бежать, пока не поздно, – сказал он мне поразительно твердым голосом. – Иешуа выбрал вас, а Иешуа не ошибается.

– Кто, черт возьми, Иешуа? – покачал я головой. – Вы имеете в виду библейского пророка?

И кто, черт возьми, вы?

– На это у нас нет времени. Пожалуйста, послушайте меня. Вам нельзя нарушать закон. Ни в коем случае!

Мужчина закашлялся, слюна потекла у него по подбородку. Я снова приблизился к нему.

– Почему вы предполагаете, что я должен сделать нечто противозаконное? – Я задавался вопросом, не путает ли он меня с другим Роде, известным полиции. В отличие от брата Космо у меня еще никогда не было проблем с законом.

– Я ничего не предполагаю, – ответила жертва пожара. – Я *знаю*, что вы нарушите закон. Иешуа знает вас лучше, чем вы сами. – Он снова закашлялся со свистом.

В первую секунду я хотел засмеяться, но сдержался ввиду плачевного состояния, в котором находился мой странный собеседник, и только издал короткий гортанный звук.

– Послушайте, мне очень жаль, что вам так плохо, но...

Мужчина схватил меня за руку. Я вздрогнул. С одной стороны, потому, что не ожидал этого прикосновения. С другой – потому, что хватка незнакомца оказалась такой крепкой. Несмотря на медицинскую повязку, из которой торчали его пальцы.

– Я понимаю, вы меня не знаете. Но мне про вас все известно. Вы Максимилиан Роде, тридцать восемь лет, ИНН 11/2557819. До девятнадцати лет профессионально занимались боксом в среднем весе, пока травма колена не положила конец спортивной карьере. Бывший репортер на радиостанции 105.0 и, похоже, уже бывший писатель, доходы которого в прошлом году составили восемнадцать тысяч двести двадцать четыре евро и шестьдесят три цента...

– Момент... – Я попытался прервать поток речи старика. Каждое его слово было в точку. И от каждого попадания меня бросало в дрожь.

Но удары продолжались.

– ...женаты на Ким Роде, до замужества Штаффельт, на два года старше вас, пилот «Люфтганзы», бесплодная от рождения, потому у вас и нет родных детей, но вы опекуны десятилетней Йолы Марии. Родители-кокаинщики предложили вам купить младенца в общественном туалете, и вы с удовольствием удочерили бы ее, но из-за вашего брата-педофила вам постоянно отказывали.

Приступ кашля помешал мужчине продолжить перечисление фактов. Вскоре его дыхание восстановилось, но рот по-прежнему оставался открыт. Я был настолько шокирован, что мне потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя и заговорить:

– Откуда... то есть как... откуда, черт возьми, вы все это знаете?

Ладно, что-то можно найти в Интернете, но многое, особенно прошлое Йолы, было строго охраняемой тайной, прежде всего то, что ее собирались «продать» сразу после рождения. Кем бы ни был этот человек, он только что – вполне убедительно и не менее устрашающе – доказал, что не сумасшедший, который наобум выбрал мой номер из телефонной книги.

Я высвободил руку. Кажется, монолог стоил старику последних сил.

– Чего вы от меня хотите? – спросил я и впервые с тех пор, как приехал в Вестэнд, боялся услышать ответ на свой вопрос.

– Я хочу вас предупредить. Сегодня же покиньте город! Никому не рассказывайте, куда вы едете! Ни жене, ни дочери. Не возвращайтесь! Минимум один год, вы поняли?

Я недоверчиво покачал головой.

– Потому что иначе случится *что*?

Мужчина вздохнул. В глазу собралась слеза. Только теперь я заметил, что умирающий не моргал, потому что для этого ему не доставало века.

– Иначе закончите так же, как я, – прошептал он. Потом неожиданно начал пищать.

В первый момент мне действительно показалось, что звук раздавался из беззубой дыры на месте его бывшего рта, как и свист до этого. Я заметил прямую линию на контрольном мониторе, лишь когда дверь распахнулась и в палату вбежала медсестра, за ней врач и потом еще два санитара, они оттеснили меня к стене, но никаких реанимационных мероприятий не последовало.

Либо такова была воля пациента. Либо все бесполезно.

Безымянный незнакомец был уже мертв.

Глава 5

На выходе из нового корпуса клиники я заметил автомат с напитками и захватил нам две колы. В киоске купил для Йола еще журнал «Браво». Потом ненадолго присел на скамью в парке, чтобы собраться с мыслями, прежде чем покажусь на глаза дочери.

Я был плохим актером, и именно Йола с первого взгляда определяла, как я себя чувствую. Я ни в коем случае не хотел, чтобы она заметила, насколько сильно меня потрясла эта встреча с умирающим. Но и заставлять ее долго ждать не хотелось, поэтому, немного передохнув, я поспешил к гостевой парковке, где обнаружил пустую машину.

«Наверное, мне тоже стоило сходить в туалет», – подумал я и открыл незапертую дверь со стороны водителя. Мой взгляд упал на открытый бардачок, и я немного удивился, что Йола еще раз вытащила пачку чипсов и положила на пассажирское сиденье. Она ведь знала, что эта упаковка существует в единственном экземпляре.

Перегнувшись через сиденье, я попытался запихнуть пачку в бардачок, но там лежала какая-то маленькая косметичка. Одна из тех серых пластиковых сумочек, какие выдают пассажирам бизнес-класса ночных рейсов и какие Ким время от времени привозила из своих поездок.

Откуда это здесь?

Пока набирал на сотовом телефоне номер Йола, чтобы спросить, сколько времени ей еще понадобится, я открыл молнию и заглянул в косметичку. Там лежал маленький коричневый пузырек с белым предохранителем, какой используют аптекари, чтобы разливать рецептурные лекарства. Без этикетки я не был уверен, но бутылочка казалась знакомой, что меня обеспокоило. Как и то, что Йола не отвечала уже после четвертого гудка.

Я открыл крышку и понюхал жидкость.

Едкий, резкий, острый запах.

Мои подозрения подтвердились, и я не на шутку испугался.

Йола! – подумал я, уже не настолько уверенный, что она просто отошла в туалет. Вышел из машины и огляделся. Несмотря на гнетущую жару, меня знобило, а по коже рук побежали мурашки. А потом мне стало еще холоднее, когда на другом конце наконец-то ответили, и я услышал не Йола, а какой-то мужской голос.

– Алло? Кто это?

Хриплый. Гортанный. Но тоже нервный.

Я посмотрел по сторонам в нелепой надежде заметить где-нибудь мужчину, прижимающего к уху сотовый телефон и наблюдающего за мной. Само собой разумеется, я никого не увидел.

– Где моя дочь? – спросил я.

– А кто говорит? – поинтересовался незнакомец.

Я почувствовал, как часть моего волнения переросла в ярость.

– Я ее отец, немедленно скажите мне, кто вы и что сделали с Йолой.

Ответ незнакомца выбил почву у меня из-под ног. Я зашатался, хотя даже не шевелился. Мир вертелся без меня, по крайней мере, несколько мгновений, пока я не решил, что все это какая-то огромная ошибка. Плохая шутка. Или просто ужасное недоразумение.

Поэтому я взял себя в руки и направился в отделение патологической анатомии.

Глава 6

ВОСЕМЬ ЧАСОВ СПУСТЯ

– Ты что, рехнулся, Макс?

Ким еще не повышала голос и не плакала, но это лишь вопрос времени. Еще немного, и она, заливаясь слезами, начнет выплескивать мне в лицо накопившуюся злость. Тем более что мы уже и раньше вели подобные разговоры, как сегодня.

– Я лишь ненадолго оставил ее одну, – повторил я не в первый раз и пошел за ней в комнату Йолы, где Ким открыла верхний ящик комода.

– Ненадолго? – Она так резко повернулась ко мне, что ее длинная светлая коса качнулась вперед, как маятник. Мой крик о помощи застал Ким во второй половине дня на беговой дорожке в фитнес-клубе, и она тут же примчалась в больницу. Сейчас, около полуночи, на ней все еще был облегающий черный спортивный костюм и кроссовки, в которых она взлетела по лестницам реанимации.

– Ты заставил ее ждать больше часа.

Ким без разбора запихнула какое-то нижнее белье, носки и пижаму в спортивную сумку, потом протиснулась мимо меня в коридор. Следующей целью была ванная комната, куда я также потащился за Ким.

– Как такое могло случиться?

Я покачал головой. Пожал плечами, потому что тоже не мог найти этому объяснения. В зеркале настенного шкафчика я сам увидел, насколько беспомощной выглядела моя реакция. И как резко я постарел. Как будто с начальной школы был заядлым курильщиком и по утрам пытался избавиться от плохого запаха с помощью виски. Мои щеки были цвета консервированного имбиря, какой подают к суши, а темные круги под глазами выглядели так, словно неумелый гример пытался создать своего первого зомби.

Ненакрашенное же лицо Ким, усыпанное детскими веснушками, наоборот, напоминало рекламный постер салона красоты. В баре у нее спрашивали паспорт, а у меня, почему я с дочерью. Но теперь мы уже не скоро отправимся вместе в бар, это ясно.

– Это гостевая парковка при больнице. Я же не высадил ее на лавке где-то в Герлицком парке среди наркоманов и дилеров!

Ким сделала глубокий вдох и выдох, но ей не удалось успокоиться.

– Не в этом дело, Макс. Как ты мог быть таким идиотом и хранить эту адскую штуку в машине!

– Да я не хранил.

– Ах, нет?

Она схватила с края раковины зубную щетку Йолы и ткнула ею в мою сторону.

– Тогда «нокаутующие капли» сами собой перелетели из рабочего кабинета в бардачок в твоей машине, чтобы Йола смогла ими отравиться?

Во время перекура две медсестры нашли ее в бессознательном состоянии у входа в свое отделение, которым, как назло, оказалась патологическая анатомия. Сначала врачи подозревали алкогольное или наркотическое опьянение. Позднее лабораторный анализ выявил в крови у Йолы гамма-гидроксимасляную кислоту, сокращенно ГГМ. Так называемый «наркотик для свиданий», который насильники незаметно подсыпают своим жертвам – в основном женщинам – в напиток. В зависимости от дозировки некоторые теряют сознание уже через десять минут и после пробуждения не могут ничего вспомнить. Вероятно, то же случилось и с Йолой.

Через несколько часов, проведенных нами в страхе, около полуночи она наконец пришла в себя, целая и невредимая, но без малейшего понятия, почему вышла из машины и что затем

с ней произошло. Последнее, что она помнила, – как я забрал ее с тренировки по плаванию. Затем провал в памяти.

Типичное последствие приема ГГМ.

Я хорошо в этом разобрался, потому что подобный наркотик играл центральную роль в моем актуальном романе. Поэтому я выпросил у знакомого аптекаря маленький пузырек вещества, но испробовать на себе пока так и не решился.

– Я видела его у тебя на письменном столе, – сказала Ким.

– Да, в рабочем кабинете. И я его всегда запираю. Ключ есть только у тебя и у меня! Ты всерьез думаешь, что я сорвал этикетку с пузырька и поехал гулять с нокаутующими каплями? – Я поднял полотенце, которое упало у Ким. – И даже если бы я это сделал, пожалуйста, подумай еще и скажи мне, неужели ты считаешь нашу дочь настолько глупой, чтобы выпить поток из пузырька, воняющего кислотой?

– Йола не глупая. Йоле десять лет. Она ребенок. Подобным вещам не место в ее окружении. Проклятье, а ей самой не место на больничной парковке. Что, черт возьми, ты там забыл?

Я вздохнул.

– Ты же была там, когда полиция меня допрашивала. Этот самоубийца позвонил мне...

– Да, да. Я это знаю.

К счастью, доктор Грабов мог подтвердить полицейским мою историю. Так как после смерти своего пациента он уже не чувствовал себя связанным обязательством хранить врачебную тайну, я узнал, что жертвой пожара был чудаковатый ученый, по всей вероятности страдающий от депрессии, который облился бензином в своем гараже на два машиноместа в Кепинике и поджег себя. Из-за однозначного суицидального характера случившегося никакого расследования, видимо, проводить не планировалось. К тому же сестры нашли несколько изданий моих книг, многие с рукописными заметками на полях. Очевидно, речь шла о сумасшедшем «фанате». Литературный сталкер, с которым умирающий мозг в последние минуты жизни сыграл злую шутку. Хотя мне все еще было не ясно, как он мог узнать обо мне так много, но в настоящий момент меня это абсолютно не интересовало.

– Я только задаюсь вопросом: почему ты должен был обязательно втягивать в это Йолу? Любой нормальный отец поехал бы в пиццерию, как и договаривались.

– Нормальные отцы не зарабатывают тем, что пишут триллеры.

– Ах, ты снова этим занимаешься? Зарабатываешь?

В самую точку. Удар ниже пояса.

По лицу Ким пробежала тень, смутившись, она потупила глаза и тихо сказала:

– Слушай, мне очень жаль. У меня случайно вырвалось, прости, ладно?

Она снова подняла взгляд. Я молчал и ждал неизбежного но.

– Но ты живешь в своем собственном мире, Макс. Если ты и задумываешься, то только о следующей истории, которую хочешь написать. Иногда я сижу перед тобой за обеденным столом и трижды повторяю предложение, пока ты мне наконец не ответишь, потому что мысленно ты снова со своими психопатами и серийными убийцами, а не у нас дома. Поэтому я спрашиваю себя: в состоянии ли ты вообще отличить свои истории от реальности? Вероятно, ты даже не помнишь, как сунул капли в машину.

Она заплакала, и мне на глаза тоже навернулись слезы при мысли, что могло случиться. Йолу не тронули, а концентрация вещества в крови не нанесет ущерба ее здоровью. Но выпей она больше ГГМ, не спала бы сейчас в Вестэнде, а лежала бы, подключенная к аппарату искусственной вентиляции легких. О худшем, что могло случиться, я не решался думать.

Ким нашла все косметические и гигиенические средства, которые хотела собрать Йоле в больницу, и вышла из ванной.

Мы направились к входной двери, где я снял с вешалки свою куртку.

– Не надо, – сказала Ким и покачала головой. Утомленно моргнула, уставшая от дискуссии, которая ее ожидала.

– Почему? – спросил я. – Йола будет рада видеть меня, когда проснется.

– Йола да.

Но ты нет.

Понимаю.

Я поднял руку, еще не зная, что собираюсь сделать. Вероятно, я хотел коснуться Ким, сказать ей, что сожалею, что это моя вина и я никогда не прощу себе этой ошибки, хотя не помню, как взял пузырек из рабочего кабинета, и ума не приложу, как он оказался в машине. Но Ким меня опередила и сказала:

– Возможно, это забавно в романе, когда сильный герой втягивает свою умную дочь в приключение. Но в реальности это большая глупость.

Я знаю.

– Я никогда не стал бы подвергать Йолау опасности, – сказал я.

– Специально нет, в этом я не сомневаюсь. Ты готов убить и умереть за нее, и ты всегда рядом в решающий момент.

Я кивнул.

– Но *только* в решающий момент. Понимаешь? В этом проблема. Йоле нужна не пожарная служба, а отец. А мне давно уже нужен не фантазер, который кормит меня чипсами «Пенг» и придумывает истории, а муж, который обеими ногами стоит на земле.

Она грустно посмотрела на меня и закинула спортивную сумку Йола на плечо.

Странно, но ее следующее прощальное предложение причинило мне гораздо меньше боли, чем все сказанное до этого:

– Я знаю, хуже момента не придумаешь, но я встретила другого, Макс.

Вероятно, потому, что я давно уже рассчитывал однажды услышать это.

Глава 7

СПУСТЯ ДВА МЕСЯЦА

Плохой табель успеваемости. Кулак отца. Металлический вкус во рту.

Кровь.

Детские воспоминания, которые я пытался отогнать от себя, осматриваясь в классной комнате Йолы.

Я еще понятия не имел, что она натворила на этот раз, но, судя по виду учительницы биологии, которая вызвала меня в школу, сегодня моя дочь не отделается просто штрафом в пять евро.

– Поведению Йолы действительно нет извинения, – возмущенно начала фрау Яспер, рано поседевшая женщина неопределенного возраста с выражением лица, напоминающим сжатый кулак. Как почти все учителя моей дочери, она тоже была существом без имени. Ни в одной другой профессиональной сфере я не сталкивался с тем, что незнакомцы постоянно и упорно представлялись мне по фамилии. Фрау *Некто* Яспер учила Йолу биологии и английскому и всего лишь год работала в этой начальной школе, в отличие от фрау Фишер, классной руководительницы Йолы, которая в следующем году уходит на пенсию с должности директора школы.

Она поймала меня перед школой и пригласила на этот разговор «в связи с последними инцидентами», из-за чего я сейчас пропускаю индивидуальный прием у семейного консультанта, которого мы с Ким посещали уже шесть недель.

– А что случилось? – спросил я с любопытством и нетерпением.

Мы сидели на маленьких стульчиках, образуя треугольник перед начисто вытертой доской, и у меня не получалось сконцентрироваться. Вездесущий запах – смесь терпентина, мокрой обуви, пыли и мела – переносил меня во время, когда все самые крупные проблемы еще были впереди, но о котором я все равно не любил вспоминать. Школьные помещения всегда вызывали во мне чувство подавленности и угнетенности, особенно сейчас, в начале отопительного сезона в октябре, когда воздух сухой, а кислорода после долгого учебного дня осталось мало. Наверное, я единственный, кто чувствовал запах дизеля, которым недавно наполнили топливные резервуары в школьной котельной, но мой нюх всегда был лучше, чем мне порой хотелось бы, а от «запаха страха» мне снова стало не по себе в этой классной комнате.

– Вот этим она бросила в меня!

Фрау Яспер вытащила из недр кармана своих брюк камень размером с детский кулак и, поджав губы, положила его на подставку для письма, прикрепленную к стулу.

– Щелочным полевым шпатом? – вырвалось у меня. Не то чтобы я особенно разбирался в камнях, но Йолу завораживали находки, которые она почти ежедневно притаскивала домой с прогулок. Кварцы, минералы, кристаллы, не важно что, главное, необычное. Она мыла, сортировала и категоризировала камни, для которых уже давно не осталось места в витрине в детской – поэтому половина нашей гостиной была завалена гранито-гнейсом⁶, тигровым глазом⁷ и мигматитом⁸. Или щелочным полевым шпатом с зеленоватыми переливами – как тот, что Йола с гордостью презентовала мне сегодня утром за завтраком. Каждый день она выбирала какой-нибудь камень, чтобы взять с собой в школу. Как талисман – и, похоже, иногда в качестве метательного снаряда.

⁶ *Гранито-гнейс* – полнокристаллическая или сланцевая горная порода, по составу аналогичная граниту.

⁷ *Тигровый глаз* – кварц золотисто-бурого, коричневого или золотисто-коричневого цвета.

⁸ *Мигматит* – горная порода, смесь магматического материала с реликтовым материалом метаморфических пород.

– Она бросила его мне в голову. – Фрау Яспер состроила гримасу, словно в этот момент в нее снова попали. – Намеренно. – С разъяренным видом она повернулась к директрисе, и мне бросилась в глаза татуировка в виде креста у нее за правым ухом, которая совсем не подходила к ее консервативному стилю: простые ботинки на шнуровке, плохо сидящий брючный костюм модели «федеральный канцлер», к нему гармонирующий по цвету красный ободок для волос.

– Почему? – спросил я. После классификации камня второе неподходящее замечание в глазах учительницы биологии.

– А вы можете представить себе хотя бы одну простительную причину, которая оправдывает швыряние булыжника в учителя? – прошипела она.

Полевой шпат, а не булыжник, мысленно услышал я голос Йола.

– Нет, но я также не могу представить себе, что моя дочь станет просто так причинять боль другому человеку. Она не такая.

– С вашего позволения, может быть, вы ее не так хорошо знаете. Она всего лишь...

– Всего лишь что? – напустился я на фрау Да-Пошла-Ты-Яспер. Всего лишь три предложения, и женщина довела меня до того, что я был готов вскочить со стула. – Говорите, – потребовал я. – Скажите, что вы думаете.

«Что Йола всего лишь приемный ребенок. И я не биологический отец».

– Я думаю, ссорой мы ничего не добьемся, – вмешалась фрау Фишер и в своей привычной спокойной манере сказала миролюбиво: – Пожалуйста, давайте сохраним деловой тон и вместе найдем решение.

Фрау Яспер откашлялась.

– Я только хотела сказать, что вы не знаете, как Йола ведет себя в школе.

«Хм. Конечно. И поэтому ты начала последнее предложение со слов „Она всего лишь...“. Тупая овца».

– Что именно случилось? – поинтересовался я.

Учительница биологии тяжело выдохнула, словно собиралась сообщить горькую правду.

– Как вы, наверное, знаете, у нас как раз проходят уроки полового воспитания.

Я действительно это знал и кивнул.

После того как полицейское расследование было прекращено – а я отделался предупреждением, – мне пришлось проинформировать издательство, что срок сдачи романа сдвигается. Чтобы иметь больше времени для Йола и ради спасения брака, я перестал заниматься авантюрными поисками информации для романа и не сидел больше ночами над обязательным его написанием. Вместо этого я работал, лишь когда Йола была в школе, помогал ей с домашними заданиями и прилежно принимал участие во всех семейных встречах и мероприятиях, на которых присутствовал не только телом, но и душой. Так, например, во время ужина я выключал сотовый телефон, чтобы не иметь возможности – как раньше – быстро погуглить что-нибудь для своего романа, вместо того чтобы принимать участие в разговоре. Когда Ким дала понять, что пока не будет видеться с этим одиозным Mr. Escape⁹, как она его называла и с которым у нее якобы еще ничего не было, я отказался от предубеждений относительно семейной терапии. На которую решаются, когда уже слишком поздно.

– Вероятно, она еще слишком мала для этой темы, – тем временем продолжала фрау Яспер. – Речь шла об использовании презерватива. Йола вела себя как маленькая, шумела, мешала вести урок, постоянно что-то выкрикивая с места. И вдруг бросила мне в голову этот камень. – Она потрогала пластырь на лбу. – Повезло, что рану не пришлось зашивать.

Я немного подумал, затем поднялся. Директриса удивленно подняла брови, а фрау Яспер начала заикаться:

⁹ Освобождение, спасение (англ.).

- Что... то есть... куда вы собрались?
- Я хотел бы услышать другую версию.
- Какую *другую*? – возмущенно спросила учительница биологии.
- Версию моей дочери, – сказал я, открыл дверь и попросил Йолу войти.

Она спрыгнула с батареи, на которой сидела по-турецки, и дерзким шагом протопала в классную комнату. По красным краям родинки я понял, что она только что, как сумасшедшая, чесала ее.

– Сейчас я хочу услышать правду, – сказал я и подвел Йолу к стульям, на которых сидели фрау Фишер и фрау Яспер, плотно сжав колени.

На Йоле были узкие джинсы, заправленные в неоново-желтые резиновые сапоги какой-то люксовой марки. Я подозреваю, что она носила их, чтобы сделать одолжение матери, потому что вообще-то сапоги не соответствовали ее стилю девчонки-сорванца, которая дружит с мальчишками. Но я мог понять Ким. Если бы я так много разъезжал, как она, то тоже, наверное, завалил бы свою дочь подарками из дьюти-фри. И тем не менее сапоги, которые Йола уже давно разукрасила фломастером, подходили к дождливо-серой грязной осени, которую как раз переживал Берлин.

– Почему ты это сделала? – строго спросил я. Рассчитывая на универсальный ответ, который всегда получал, когда Йола была не в настроении говорить. Безразличное пожимание плечами, в зависимости от ситуации оно могло означать «Без понятия», «Оставь меня в покое» или «Какая разница». Вместо этого она удивила меня целым предложением.

- Она против голубых. – Йола указательным пальцем ткнула в сторону фрау Яспер.
- Извини, что? – раздраженно переспросил я.

Биологичка махнула рукой, словно желая сказать «Только не надо преувеличивать», и закатила глаза.

– Глупости. Я только процитировала Библию, где сказано, что однополая любовь – это грех. Третья книга Моисея, глава 18, стих 22.

Я приложил ладонь к уху. Краем глаза заметил, что фрау Фишер тоже решила, что услышалась.

– Что вы сделали? – переспросил я, прежде чем Йола успела превратить разговор в балаган.

– А еще я наказала вас за то, что вы носите такую уродливую одежду, фрау Яспер. – Йола указала на брючный костюм учительницы биологии.

Со смесью раздражения и триумфа в голосе фрау Яспер встала и крикнула:

– Ха, вы сами слышите, какая бессовестная ваша дочь! Она оскорбляет меня даже в вашем присутствии, господин Роде.

– Подождите, давайте по порядку. – Директриса попыталась вернуть контроль над ситуацией, но безуспешно.

Я разозлился не на шутку.

– Я правильно понял? Вы рассказывали моей дочери, что гомосексуальность – это грех?

– Да. Что бы сегодня ни утверждали либеральные медиа, Библия однозначно запрещает...

– ...не допустимые Богом одежды. Книга Левит, глава 19, стих 19.

Я как раз собирался спросить фрау Яспер, не выжила ли она из ума, если проповедует такие реакционные взгляды ученикам начальных классов, но тут моя голова невольно повернулась к Йоле, которая говорила загадками.

– Кто, черт возьми, Левит? – спросил я у нее.

– Тоже третья книга Моисея, – ответила она.

Мое удивление усилилось, когда фрау Яспер кивнула в знак согласия:

– Тут она права, но нигде не сказано, что нужно бросать камни в педагогов, если...

– ...если они носят одежду из двух разнородных нитей, тогда нужно. Ваш костюм, фрау Яспер, состоит из полиэстера и хлопка. Согласно Книге Левит, 19: 19, это запрещено, и грешник должен быть забит камнями деревенской общиной.

Хрясь.

Йола не достигла бы большего эффекта, вытащи она оружие. У всех отвисли челюсти. У меня, у фрау Фишер, но больше всего у знатока Библии биологички. На какое-то время слова Йола повисли в воздухе классной комнаты, как взвешенные частицы. Последовала короткая пауза, во время которой никто не проронил ни слова, затем я не мог больше сдерживаться. И рассмеялся. Сначала я захихикал тихо, потом громче, прыская от смеха, пока пелена выступивших от хохота слез не скрыла классную комнату перед моими глазами.

Глава 8

– Ты ведь это выдумала, да? – спросил я Йолу четверть часа спустя, когда она сидела на заднем сиденье «жука», уставившись неподвижным взглядом в окно. Пересадить ее назад – в старом «жуке» не было подушек безопасности – еще одна мера из моего каталога под названием «Я хочу быть ответственным отцом и мужем». Что Йоле, разумеется, было не по вкусу.

Молча и не глядя вперед, она протянула мне бумажку в пять евро.

– Можешь оставить себе, если вразумительно ответишь на мои вопросы.

Мы ехали по Айхкампштрассе в направлении Ауэрбахского туннеля, мой любимый короткий путь между Вестэндом и Груневальдом¹⁰. После моего приступа смеха фрау Яспер в возмущении покинула комнату, а фрау Фишер, которую разговор несколько выбил из колеи, приняла мудрое решение побеседовать с учительницей биологии сначала с глазу на глаз, прежде чем устраивать общую встречу; лучше всего, если сможет прийти и Ким. В настоящий момент она в Ньюарке как раз садилась в кабину пилота и, если верить записке на холодильнике, прилетала завтра на три дня.

– Ты что, читала Ветхий Завет?

– Не целиком, – ответила Йола, которая, насколько я знаю, никогда мне не лгала, и поразила меня в тысячный раз. – Яспер постоянно бросается такими идиотскими цитатами, я тоже кое-какие погуглила. – Взяв ее к себе младенцем, мы с Ким уже чувствовали, что Йола особенная. Знаю, так говорят все родители, но в моем случае опасность самовосхваления исключается, потому что мой генетический материал не участвовал в создании Йолы. Просто это так. Уже в год Йола умела строить предложения из трех слов, в два плавать и еще до школы предпочитала смотреть свои любимые мультики на английском, а не на немецком. Она не считалась гением, не обладала выдающимися способностями, но была одарена таким необыкновенным умом, что становилось не по себе, если знаешь, при каких обстоятельствах она появилась на свет – зачатая двумя кокаиновыми наркоманами, она родилась на грязном матрасе среди шприцев и постельных клопов. Как недоношенному ребенку, ей пришлось провести два месяца в инкубаторе, где она перенесла настоящую ломку. Иногда, когда смотрю на спящую Йолу и думаю обо всех успехах, которых она уже добилась в юном возрасте (от первого места в конкурсе чтецов и опубликованного в женском журнале письма на тему избирательного права детей до коричневого пояса карате), я задаюсь вопросом, что бы из нее получилось при нормальных обстоятельствах. Или не стоит ли мне при следующем творческом кризисе тоже затянуться разок-другой крэком, если это улучшит мои синаптические¹¹ связи.

– Кроме того, она сказала мне: «Сядь на место, черт возьми», – добавила Йола. – По Левиту, глава 24, стихи с 14 по 16, я могла бы закидать богохульницу камнями уже за это. – Ее верхняя губа чуть заметно задрожала: предательский признак того, что она пытается сдержать улыбку. Как и я.

Фонтанерштрассе, ведущая к площади Хагенплац, шла в гору.

Когда мы вышли из школы, чуть моросило. Сейчас капли дождя размером с горох падали на лобовое стекло. Я заметил, что пора снова поменять дворники. Осенний дождь и скудное уличное освещение не самая идеальная комбинация, если щетки совсем износились.

– Может быть, но я считаю, не важно, о чем там сказано в Библии, не важно, прав человек или нет: насилие не решение, – начал я несколько неуверенно. Эта часть беседы напомнила мне о Йолиной выходке с пеной; то, что она тогда сказала, было правдой. Учитывая боль-

¹⁰ Груневальд – район Берлина.

¹¹ *Synaps* – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой. Служит для передачи нервного импульса между двумя клетками.

шое количество человеческих жертв в моих книгах, лекции на тему пацифизма и кротости не совсем мое.

Светофор загорелся зеленым светом, я свернул направо и потянулся за пультом управления, чтобы открыть электрические ворота. Обычно я не парковался в гараже, но метеослужба предупреждала о надвигающемся ночном шторме и опасности падения веток и сучьев, и у меня не было желания завтра утром обнаружить свой автомобиль с разбитым лобовым стеклом. Кроме того, на моем месте стоял охровый универсал студента, живущего под нами.

– А я считаю, фрау Яспер должна наконец определиться, верит она Библии или нет, папа, – упрямо возразила Йола. – Если голубые грешники, тогда я могу бросать в нее камнями. Все просто.

– Нет, все не так просто, юная леди. Судя по внешнему виду фрау Яспер, она будет требовать, чтобы тебя отстранили от занят... э-э-э!

Я нажал на тормоза. Так резко, что Йола дернулась головой вперед, а ремень безопасности врезался ей в шею. Мы вскрикнули. Она от боли и потому, что не знала, почему я так неожиданно затормозил, а я – от осознания, что слишком поздно.

– Вот дерьмо, – произнес я запретное слово в присутствии дочери, но сейчас это было не важно. Я расстегнул ремень безопасности, открыл дверь и выпрыгнул в дождь, не выключив мотор.

Мужчина, которого я сбил, лежал прямо на подъездной дорожке.

Проклятье.

Что он делал за воротами?

И как я мог его не заметить?

– Эй, вы меня слышите? – прокричал я, хватаясь за телефон, чтобы вызвать скорую. На парне была черная одежда – еще одна причина, почему я не заметил, как он оказался перед капотом, выпрыгнув ниоткуда. Я склонился к нему: мужчина не шевелился, и я исходил из худшего, хотя наверняка сбросил скорость до пешеходной. Я рассчитывал на открытые переломы или и вовсе раздавленный череп – но к тому, что увидел, взглянув в лицо мужчины, я не был готов.

– Ты? – спросил я и отпрянул, словно увидел Антихриста. Рефлекторно оглянулся на Йолу, чтобы проверить, в безопасности ли она.

Это невозможно. Этого просто не может быть.

Передо мной на асфальте лежал мужчина, который в юности совершал поступки намного худшие, чем швыряние камней. Он сажал на кол кошек, забрасывал коктейли Молотова в открытые окна, но помимо издевательств над животными и поджогов однозначным свидетельством психического расстройства подростка наверняка могли бы служить и мокрые простыни, которые его мать меняла каждое утро. Если бы родителям было не все равно, что из их мальчика вырастает педофил-психопат.

– Привет, братишка, – сказал Космо и поднялся. – Какое милое приветствие после стольких лет.

Глава 9

– Ты что, сбежал? – Я раздумывал, стоит ли дать брату носовой платок, но дождь уже смыл большую часть крови у него со лба. За исключением раны на голове, других видимых повреждений у него не было.

– Вообще-то я имею право работать за пределами тюрьмы, некоторые послабления режима – часть моей терапии. Сейчас мне разрешается ежедневно выходить с двенадцати до шести, – сказал он.

Мы стояли в шаге от «жука», под большим кленом, ветви которого склонялись над въездом и немного защищали нас от непогоды.

– И спасибо, что поинтересовался, нет, я ничего не сломал, – сказал Космо, потирая рукой затылок. Он покрутил головой, как раньше, когда хотел позлить меня, потому что я не выносил хруста позвонков.

– Что это значит? – в ужасе спросил я, когда дар речи снова вернулся ко мне. Передо мной стоял мужчина, который вообще-то должен был сидеть в закрытом учреждении в Бранденбурге-на-Хафеле, накачанный успокоительными медикаментами и отделенный от общества множеством стальных дверей, вооруженной охраной и колючей проволокой. Но даже если он говорил правду, даже если какой-то безответственный главврач действительно одобрил смягчение наказания для моего брата, это все равно не объясняло, почему он бросился под мою машину.

– Я ждал тебя, – сказал он. – Ты слепой или как? Я просто хотел напугать тебя, как раньше, помнишь? Когда я прятался за деревом перед нашим домом и выпрыгивал перед твоим велосипедом.

– Чего тебе от меня надо?

– Черт, как ты тогда кричал – как девчонка. – Космо хитро улыбнулся. От одного его резца откололся кусок, нижнего клыка не было, но эти повреждения казались старыми. – Господи. Ты все еще едешь на старом «жуке». – Он пнул кедом переднюю шину.

Я вытащил из кармана сотовый и набрал номер Йолы.

– Что? – коротко спросила она, было слышно и видно: девочка сбита с толку, что я звоню ей вместо того, чтобы сделать шаг к машине.

– Запри двери. Немедленно! – приказал я, и Йола, видимо впечатленная моим резким тоном, в порядке исключения тут же послушалась.

– Кто это, папа?

Космо, стоявший рядом со мной, захихикал.

– Мой брат, я после тебе все объясню. Что бы ни случилось, ты ни в коем случае не должна выходить из машины, слышишь?

Она молча кивнула. А Космо смеялся все громче.

– О господи, старик, вот ты чудак. – Космо сдвинулся с места и обошел вокруг «жука» по часовой стрелке. – Это мою сладкую племянницу ты там прячешь? – спросил он и указал на заднее сиденье. Помахал ей. – Привет, Йола. Это я. Твой злой дядя Космо.

Йола, которая знала моего брата по рассказам, показала ему средний палец.

Назвать Космо паршивой овцой в семье – это как сказать, что торчащий в спине топор доставляет неудобства. Шесть лет назад он похитил соседского мальчика и приковал семилетнего ребенка к металлической кровати в каком-то заброшенном доме, идущем под снос. Голым. Беспомощным. До сих пор парень не может говорить даже со своим психиатром о том, что Космо вытворял с ним, пока его случайно не обнаружил бездомный, который залез в дом в поисках убежища на зиму.

Позднее мой брат указал «внутреннее давление» как мотив преступления. Пять лет назад его упрятали в психиатрическое отделение одной клиники в Бранденбурге, где он находился в превентивном заключении. Диагноз: педофил-психопат. Прогноз: неизлечим.

– Исчезни, или я вызову полицию, – пригрозил я ему.

– Ах да? – Космо повернулся ко мне. Его черные волосы блестели под дождем, как деготь. Космо по-прежнему умудрялся выглядеть коварно и одновременно беспомощно, как хищник с мягкой шерстью. Он был идеальным кандидатом для одиноких домохозяек с выраженным синдромом жертвенности; для тех, которые посылают любовные письма смертникам в тюремную камеру. Каждый раз, когда люди говорили, что мы якобы похожи, я приходил в бешенство.

– И что ты собираешься рассказать фараонам, когда они приедут? Эй, господин полицейский, я так боюсь своего гостя?

– Это моя забота. Может, я просто покажу им письма.

– Ты их сохранил? – Космо выглядел удивленным. Он снова отступил под дерево.

– Конечно.

Попав в одиночное заключение, в первые недели терапии, Космо написал Йоле несколько писем, в которых детально описывал, что сделает с ней, если когда-либо выйдет из этого заведения. Фантазии, в которых зажимы и наручники были самыми безобидными «игрушками».

Космо тяжело вдохнул и выдохнул.

– С тех пор прошло много лет. Я был другим человеком, когда писал это. Я изменился, Макс.

– Вау! – Я немного понизил голос, чтобы Йола не могла меня услышать, одновременно развел руки, как будто хотел обнять Космо и прижать к груди. – Что же ты сразу не сказал? Ты изменился? Старик, а я думал, ты все еще мастурбируешь по четыре раза в день на фотографии обнаженных детей. Тогда я спокоен.

Он кивнул, соглашаясь, и сам раскинул руки передо мной.

– Посмотри на меня. Пожалуйста. Ты же видишь? Я стал другим человеком!

Я лаконично пожал плечами, не желая пускаться с ним в дискуссию.

– Внешне – да.

Это было правдой. Медикаменты ли, заключение, плохое питание, недостаток движения или всего понемногу – но мой брат превратился в собственную жалкую тень. Тощий и изможденный, его когда-то блестящие глаза потускнели, как серебро с патиной.

Раньше в школе мы так ходили друг на друга, что учителя называли нас близнецами Роде, хотя Космо был на год старше меня. У обоих короткие, напоминающие поле для гольфа стрижки, которые мама обновляла раз в две недели машинкой на кухне. Уже в двенадцать и тринадцать лет мы вытянулись до метра восьмидесяти пяти. На переменах стояли в стороне долговязыми неуклюжими аутсайдерами. Бледные верзилы с полными губами и тонкими ножками. В игре в лапту нас последними выбирали в команду, а в футболе сажали на скамейку запасных. Мы служили мишенью для насмешек наших одноклассников.

Однажды наш учитель физкультуры Карл (Калле) Майнерт заметил у Космо под глазом синяк. И велел брату остаться после занятий в спортзале.

Он показал Космо основные приемы в боксе и научил правильно стоять, чтобы не потерять равновесие. В то время мое отношение к Космо уже деградировало до типичной иерархии «младший брат/старший брат». Еще год назад мы были неразлучны, теперь же все чаще избегали друг друга. Тем не менее Калле настоял на том, чтобы тренировать нас вместе, и через месяц индивидуальных занятий боксом по три раза в неделю мы настолько преуспели, что во время драк нам больше не нужно было трусливо увертываться от ударов. Спустя еще один месяц Калле хвалил нас со словами: «Ну вот, теперь вы больше не будете жертвами на переменах» – и оказался прав. После того как Космо сломал нос самому отчаянному школьному драчуну, когда тот на парковке пытался отобрать у него кроссовки, Космо прославился, и слава

старшего брата быстро перешла и на меня. Неожиданно *мы* стали крутыми и определяли, кого в школе уважать, а чью тетрадь утопить в унитазе. Калле потом очень раскаивался, что не взглядел в Космо его готовность к насилию. Он думал, что сумеет направить агрессию подростка в правильное русло, а не усилить ее. На одной встрече выпускников он признался мне, что чувствует свою вину за все преступления, которые в конце концов привели Космо в тюрьму. Я объяснил ему, что он ошибается, как и тогда в случае с синяком под глазом брата. Космо заработал его не на школьном дворе во время перемены, а дома. От нашего отца. Он пытался бить нас еще почти целый год после начала тренировок, но, когда нам было по четырнадцать и пятнадцать лет, отец уже не решался этого делать. Наконец-то.

– Чего ты от меня хочешь? – с негодованием спросил я Космо. – Денег?

Он помотал головой. Несколько капель сорвалось с прядей волос и упало на посветлевшие брови.

– Старик! За кого ты меня держишь?

– Ты действительно хочешь это знать?

Он кивнул.

– Ладно, ладно. Я понимаю. Правда. Я не сержусь, понимаю тебя.

– Отлично, спасибо! Для меня это много значит.

– Нет, серьезно. Мне понятны твои злость, сарказм и все такое. Ты ведь не можешь знать, что они делали со мной. – Он закатал рукав своей черной флисовой куртки до локтя и протянул мне правую руку, как для сдачи крови. Локтевой сгиб представлял собой один сплошной синяк.

– Химическая кастрация, – объяснил он. – Пролонгированный укол каждый месяц, последний, как видишь, сделала не особо умелая медсестра, но плевать. Чертово средство действует. В семидесятых мне, наверное, подключили бы к мозгу еще проволочные электроды, сейчас со всем справляются гормоны. Профессор говорит, что мой половой инстинкт практически полностью отключен.

– Да ну! – сказал я и разозлился, что такой радикальный шаг Космо, если он и правда на него решился, странным образом меня тронул. Подобное случалось со мной постоянно. Я собирался ненавидеть брата, и большую часть жизни мне это даже удавалось: я вызывал перед глазами поступки, из-за которых его исключили из нормального общества. Но я, конечно, знал и причину. Иногда я задавался вопросом, что бы вышло из меня, если бы отец издевался не над Космо, а надо мной. И тогда я испытывал сочувствие, которое единственное помогает автору поставить себя на место другого; сочувствие, которого не знают такие психопаты, как Космо.

– Меня почти не посещают эти сексуальные мечты, – сказал он и смущенно улыбнулся. – И я дрочу реже, чем однурукий в гипсе.

– И я должен тебе поверить?

– Эй, сам подумай. Конечно, существуют слабоумные эксперты и коррумпированные исполнители. Но ты действительно считаешь, что они позволят мне выйти из клиники просто потому, что я мило сказал «Пожалуйста, пожалуйста»? Чушь, все из-за кастрирующих уколов, на которые я добровольно согласился.

Я посмотрел на Йолу, которая выполняла мои указания и сидела в машине. И похоже, говорила по телефону. Я вытер дождевые капли с лица и вздохнул:

– Хорошо, предположим, ты говоришь правду, тогда поздравляю. Но если ты не хочешь денег, чего тогда?

Космо открыл рот, немного подумал и затем сказал:

– Я наконец-то прочитал твою книгу «Школа крови».

– Рад за тебя.

Видимо, библиотека клиники давно не обновлялась. Мой дебютный роман появился в том месяце, когда Космо арестовали.

– Да, впечатление, как бы это сказать... просветляющее.

- Просветляющее?
- Словно в мою темную берлогу проник свет.
- Неужели?
- Но у меня есть несколько вопросов. Вот.

Он протянул мне пачку страниц, которые, вероятно, вырвал из издания в мягкой обложке. Я сделал ошибку, рефлекторно схватив их.

– Зачем мне это?

– Я написал свои замечания прямо в тексте, – сказал он. – Их немного, пожалуйста, прочитай в хронологическом порядке!

– У меня нет времени на такую чушь. Почему я должен это делать?

– Потому что ты быстро заметишь, что...

Он не успел закончить предложение. За нами по луже на полной скорости проехал темный минивэн, скрипя тормозами, и резко остановился в метре от въезда.

– О-о, я сваливаю, – тихо сказал Космо, когда дверь открылась и из минивэна выбралась женщина, которую я знал, в сопровождении незнакомого мне хмурого мужчины.

Со словами «похоже, у тебя проблемы» мой брат натянул на голову капюшон куртки, пробежал с опущенными глазами мимо приехавших и оставил меня наедине с людьми, которые пришли, чтобы разрушить мою жизнь.

Глава 10

– Что случилось? – спросил я Мелани Пфайфер и предложил социальной работнице присесть в одно из кресел в гостиной. В прессе обычно читаешь о сотрудниках службы опеки, только если они облажались. В основном когда вопреки всем сигналам и «звоночкам» не забрали ребенка из семьи – как того младенца, который мучительно умирал голодной смертью, пока его родители-игроманы в соседней комнате заботились о виртуальном ребенке. Но никто никогда не слышит о таких сотрудниках, как Мелани – а их большинство, – которые профессионально и безукоризненно выполняют свою работу. Не то чтобы Мелани мне особенно нравилась, к тому же она была слишком сдержанной и деловой, но, наверное, действительно необходимо развить в себе такую эмоциональную дистанцированность, когда постоянно приходится сталкиваться с нуждой и безысходностью.

– Что мне от вас нужно? Вы, наверное, шутите? – пыхтела она, с трудом переводя дыхание после подъема по лестнице на пятый этаж.

Лифт оказался сломан, а я в лучшей форме по сравнению с Мелани, чем сумел воспользоваться: перенес на кухню пустые коробки из-под пиццы и грязные стаканы, которые остались после вчерашнего телевизионного вечера. Неожиданный визит из органов опеки вызывал у меня такие же чувства, как полицейская проверка на дороге. Даже если мне не в чем было себя упрекнуть, я мысленно перебирал все возможные нарушения и проступки, и мой пульс подсказывал от чувства вины.

– Вы же прекрасно знаете, почему мы здесь, – сказала она, не садясь. При росте метр шестьдесят два она была чуть выше Йолы, которую я отправил в комнату делать домашнее задание. Как всегда, социальная работница была в широкой юбке и джинсовой куртке поверх целомудренного свитера с высоким воротом. И в очередной раз, глядя на нее, я задавался вопросом, что заставляет женщин брить брови, а потом заново рисовать их косметическим карандашом на лбу.

– Нет, я не знаю, что привело вас к нам, – ответил я и услышал, как рядом в кухне зафырчала кофемашина.

Мой взгляд упал на ее сопровождающего – шкаф метр девяносто с тяжелой челюстью, – который как вкопанный стоял в прихожей рядом с гардеробом и ждал. Я указал большим пальцем в направлении прихожей:

– И понятия не имею, что там делает ваш телохранитель.

Мелани нередко приходила в сопровождении социального работника, но ни один из них не был настолько натренированным, что рельефные мускулы угадывались даже под курткой. Я вообще не помнил, чтобы когда-либо здоровался с сотрудником органов опеки, который завязывал бы светлые волосы в хвост и носил черный костюм модели «вышибала элитного клуба».

– Это нововведение. Господин Шодров сопровождает меня на случай, если возникнут проблемы.

– Проблемы? Какие, черт побери?

Впервые мне в голову пришла мысль позвонить Тоффи. Известный в городе адвокат – гражданское имя Кристоф Маркс, – никогда не представлял моих интересов, но нас связывала тесная дружба с тех пор, как он консультировал меня в юридических вопросах, когда я собирал информацию для романа «Школа крови».

Мелани открыла свой рюкзак и вытащила папку. Затем подошла к метровому стеклянному стеллажу за диваном, положила на него папку и несколько церемонно открыла серую, отделанную под мрамор крышку. Пока я включал декоративную лампу на стеллаже, она ткнула

пальцем в верхнюю страницу в папке, заполненной документами (где-то сантиметра два толщиной).

– Вот здесь написано черным по белому, господин Роде.

Господин Роде?

Онемев, я перевел взгляд со страницы на нее. Уже много лет мы не обращались друг к другу по фамилии. Когда беседовали, использовали то, что мы, писатели, называем «гамбургской вежливой формой», которая больше других подходит нашим особым доверительным отношениям: когда обращение «вы» слишком дистанцировано, а «ты» поставило бы под сомнение серьезность профессионального общения. Поэтому мы сочетали форму «вы» с именем, вот как я сейчас:

– Вы написали нам письмо, Мелани?

– Письмо? – Мелани провела указательным пальцем по подшитым листам, перелистывая их, словно это был кинограф¹². – Четыре письма, пять имейлов, множество телефонных звонков, три отмененные встречи. Мы уже несколько недель пытаемся связаться с вами.

Я удивленно заморгал.

– Мне ничего об этом не известно.

Наш последний контакт был два месяца назад, разумеется, сразу после происшествия с «нокаутующими каплями» было проведено расследование, но, так как до этого мы ни в чем не провинились и Йола никак не пострадала, я отделался лишь записью в деле и предупреждением. Служба по делам несовершеннолетних ежегодно спасает из неблагополучных семей и берет под свою опеку более сорока тысяч детей – тут радуешься каждой пристроенной душе. И каждому разрешенному случаю, с которым не нужно заново разбираться.

По крайней мере, я так думал.

– Вы не знаете, о чем я говорю?

Мелани посмотрела на меня, как на ребенка, которого уличили во лжи, захлопнула папку и нахмурила лоб.

– Значит, вы даже не говорили с Йолой об этом?

– О чем? – спросил я и почувствовал тяжесть на сердце еще до того, как получил ответ.

– О возвращении.

– Возвращении? Каком еще возвращении?

Веки у Мелани задрожали, лицо побледнело. Она чуть разомкнула губы и говорила очень тихо, словно могла смягчить силу слов, которые подействовали на меня, как удар боксера в пах:

– Йола возвращается. Обрато к своим биологическим родителям.

¹² *Кинограф* – картинки, нарисованные на углах блокнота, перелистывая которые можно наблюдать эффект анимации.

Глава 11

В своих книгах я часто описывал реакции людей, у которых неожиданно выбивают почву из-под ног и чья жизнь вдруг навсегда меняется. Некоторые принимаются смеяться, их сердце начинает стучать быстрее или замедляется, они потеют или чувствуют слабость, в ушах звенит или появляется неприятный привкус во рту. Но еще ни один из моих литературных героев не давился собственным слюной и после длительного приступа кашля не говорил дрожащим голосом, словно обжег себе глотку.

– Это шутка, – прохрипел я и, обойдя диван, подошел к журнальному столику, куда поставил два стакана с минеральной водой, молоко и пока еще пустые чашки для неожиданных визитеров. Я сделал глоток воды. Глаза Мелани нервно бегали от одного пункта к другому.

– Биологический отец Йола вышел из тюрьмы три месяца назад, а ее биологическая мать успешно прошла курс лечения от наркозависимости. Они сожалеют о поступке.

– Сожалеют? – язвительно переспросил я. – Если я не уследил и мой ребенок споткнулся и упал, тогда можно сожалеть о синяках на коленях. Или если в стрессе поднял на него руку, хотя сам считаю, что этому нет оправдания. Но если я предлагал собственного малыша педофилу в вокзальном туалете за пять граммов кокаина, что, ради бога, означает *сожалеть* в этом случае?

Мелани раскрыла рот, но я не дал ей сказать.

– Единственное, о чем действительно сожалеют Йолины биологические родители, – это то, что покупателем их грудничка оказался полицейский под прикрытием, который спас Йоле жизнь, а не дилер, снабдивший их дозой.

После такого всплеска я снова закашлялся. Мелани, готовясь возражать, уже мотала головой. Неужели я раньше действительно думал, что она адекватная? Я просто не узнавал социальную работницу.

– Так было раньше, – ответила она. – Согласно психиатрическому заключению, представленному нам профессором Ошацким, Ариэль и Детлеф Арним успешно прошли ресоциализацию и подали заявление на возвращение своего ребенка...

– Ресоциализацию? – взвизгнул я. – Ресоциализацию? Да ладно вам, Мелани. Сколько раз вы пытались организовать встречу Йола с матерью, потому что руководитель вашей службы считает, что необходимо поддерживать контакты с биологической семьей? Пять раз? Шесть? И сколько было встреч? А, да что я говорю, сколько раз они хотя бы созванивались или списывались?

Я сделал паузу и сам ответил на свой риторический вопрос:

– Правильно, ни разу. Мы или не могли найти Ариэль Арним, потому что она нанялась проституткой в какой-то бордель и неделями не появлялась дома. Или же она приходила на встречу пьяной, и мы едва успевали отправить ее домой, чтобы Йола не видела ее в таком жалком состоянии. В последний раз на Рождество она, еле ворочая языком, наговорила дочери сообщение на автоответчик. А сейчас из тюрьмы выходит ублюдок отец, у которого десять лет назад, видимо, были связи в педофильных кругах, где он пытался обстригать дело. И вы утверждаете, что оба прошли ресоциализацию? Вы, наверное, шутите.

В дверь позвонили.

– Минуточку, – сказал я, благодарный за возможность отвлечься и немного остыть. Еще одно замечание от Мелани – и я, наверное, вцепился бы ей в глотку.

В крайне возбужденном состоянии я прошел мимо мистера телохранителя и открыл входную дверь.

– Да?

Передо мной стоял Деннис Керн, двадцатичетырехлетний студент, который выглядел как пародия на ту молодежь, которая в центральных районах города проходила под названием «хипстеры». Светлые волосы до плеч, козлиная бородка, роговые очки, за какие в мое время в школе побили бы, и черные потертые джинсы, сужающиеся книзу и заправленные в высокие ботинки до лодыжек. Единственное, что не вязалось с его прикидом, – это уродливый семейный универсал, стоящий перед домом, но после аренды жилья в Груневальде начинающий юрист, видимо, уже не мог позволить себе покупку «мини».

Вообще-то я должен быть зол на Денниса, потому что полгода назад он прямо из-под носа увел у меня полутораконатную квартиру, которую я облюбовал и куда собирался переехать, чтобы избегать ссор и пререканий с Ким и все равно оставаться в том же доме (и рядом с Йолой). Правда, скоро стало понятно, что со студентом юридического факультета нам крупно повезло. Предыдущие соседи стучали в потолок, стоило Йоле тяжело прошагать по паркету, а Деннису было все равно, даже когда она, злясь на какие-нибудь наши воспитательные меры, полчаса долбила об пол баскетбольным мячом. Кроме того, он любил животных и с удовольствием заботился о коте Йолы, когда мы иногда уезжали на выходные.

– Простите за беспокойство, господин Роде, – начал он. – Но я услышал, что вы пришли домой. Если будете искать Мистера Триппса, он дрыхнет у меня на диване.

– Кот что, снова спрыгнул на ваш балкон?

Деннис кивнул и украдкой заглянул в квартиру, видимо удивившись не меньше меня, когда крепкий мужчина в черном костюме подошел со спины и спросил, можно ли воспользоваться гостевым туалетом.

– Йола? – крикнул я вглубь прихожей, когда Мистер Телохранитель исчез в туалете. – Йо-о-о-ола!

Спустя какое-то время моя дочь открыла дверь своей комнаты в конце коридора.

– Ну что? – спросила она, не снимая больших наушников с головы.

Значит, вот как она делает домашнее задание.

– Я же говорил, чтобы ты закрывала окно, когда уходишь в школу! – крикнул я без какого-либо упрека в голосе. На самом деле я был рад неожиданному гостю, потому что появилась возможность убрать Йолу подальше от сотрудников службы опеки.

Она подошла ближе, чтобы поздороваться с Деннисом, и одарила его одной из своих редких улыбок, – и я вспомнил, насколько она красива, когда не хмурится.

– Забери своего кота, – велел я и наклонился, как будто собирался поцеловать ее на прощание. Вместо этого прошептал ей на ухо:

– Оставайся внизу, пока я не приду за тобой.

Йола отстранилась от меня с раздраженным видом, но оказалась достаточно умна, чтобы не высказать свои мысли: *сначала я должна запереться в машине, потом делать домашнее задание, а сейчас ты пытаешься меня сбаврить?* Она пожала плечами.

Я закрыл за ней дверь и вернулся в гостиную. Социальная работница села тем временем на диван и снова листала бумаги в папке. Я глубоко выдохнул.

– Послушайте, Мелани. Давайте еще раз спокойно обсудим все с самого начала. Вы ведь не рассматриваете всерьез такую возможность и не собираетесь забрать дочь из нашей семьи спустя десять лет?

Она вздохнула.

– Мы не рассматриваем. Это уже решено.

– Решено? – рассмеялся я. – Что происходит? Здесь где-то скрытая камера? Вы не вправе такое *решать*. – Мое благое намерение вести себя с ней как можно благоразумнее провалилось. – Уже забыли? Четыре года назад мы оформили опекунство над Йолой, – напомнил я ей. В настоящий момент мы снова подали документы на удочерение, но заявление еще не рассмотрели. – И только суд по делам семьи может лишить нас права опеки.

Мелани в очередной раз помотала головой:

– У вас ограниченное опекуновство, господин Роде. И право на определение места жительства ребенка вы делите со службой по делам несовершеннолетних и...

– Что? – не веря, крикнул я. – Это же бред какой-то.

Я никогда не интересовался юридическими вопросами, все это улаживала Ким, но о таком ограничении я никогда не слышал.

– Хм, может, вам стоит заглянуть в свои документы, впрочем, вы также могли бы ответить и на наши письма. Мы приглашали вас на три слушания. – Снова Мелани постучала по папке. – Никакой реакции.

Я протянул руку к папке, которую социальная работница мне тут же передала. Действительно. Я прочитал наши с Ким имена в адресной шапке документа, потом тему «Воссоединение семьи» и первые строчки письма, которое начиналось словами «*Относительно находящейся под опекой Йолы Армии было получено заявление биологической матери...*» и заканчивалось «*...в очередной раз просим вас срочно связаться с нами*».

Я поднял глаза и поймал взгляд Мелани.

– Еще раз: я не знаю, кому и что вы отправляли почтой или по имейлу, но мы вот этого не получали. А даже если бы и получили, вы ведь не собираетесь отправить девочку из нормальных условий обратно в ад.

– Нормальные условия? – спросила Мелани, у которой нервно задергалось веко. Только сейчас я осознал, насколько она напряжена. И напугана. – Это ведь был ваш брат перед домом?

– Да, и что?

– Осужденный педофил, которому запрещено подходить к школам и детсадам ближе чем на пятьдесят метров?

– На что вы намекаете?

– Я не намекаю, я констатирую: в доме Роде Йола также подвержена латентной опасности со стороны близких родственников. Из-за вашей небрежности она не только получила доступ к смертельно опасным наркотикам...

Конечно, я давно ждал, когда же речь пойдет о нокаутующих каплях.

– ...к тому же создается впечатление, что у нее неустойчивая психика, а в последнее время даже наблюдаются приступы агрессии.

– Неустойчивая психика и приступы агрессии? – растерянно повторил я.

– По нашим данным... – Мелани перелистнула страницу и кивнула, – она бросила в учительницу камень.

– Откуда... – Я сглотнул и почувствовал, как в левом виске зарождается тупая боль. – Откуда, черт возьми, вы это знаете?

Все произошло сегодня утром, несколько часов назад. Случившееся просто не могло так быстро попасть в документы Мелани.

– Мы стараемся собирать как можно больше информации о наших детях, находящихся под опекой, и...

– Фрау Пфайфер!

Окрик телохранителя из прихожей прервал ее подозрительно поверхностное объяснение.

– Что случилось, господин Шодров? – Мелани поднялась с дивана и прошла мимо меня в прихожую.

– Вам стоит на это взглянуть.

Глава 12

С нехорошим чувством я последовал за Мелани, про себя злясь, что социальные работники перемещаются по нашей квартире, как у себя дома, и, видимо, даже обыскивают ее. Конечно, у службы по делам несовершеннолетних есть право прийти к нам в любое время без предупреждения, и нам нечего скрывать, но ощущение полицейской проверки и беспричинное сознание вины росло во мне с каждой секундой. Беспокойство и возмущение стали еще сильнее, когда из прихожей я увидел, за какой дверью исчез качок в костюме.

– Что вы там забыли? – раздраженно крикнул я и последовал вместе с Мелани в свой рабочий кабинет.

И как, черт побери, он вообще туда вошел?

Моя «писательская мастерская» была исключительно моим царством. Моей святыней. Ключ я всегда носил в правом кармане брюк и запираю кабинет, когда встаю из-за письменного стола. Но сегодня я писал до последней секунды и чуть было не опоздал, чтобы забрать Йолу после занятий. Неужели в спешке я оставил дверь открытой?

Нет, такое не могло случиться. Снова.

– Я вышел из ванной комнаты и взглянул сюда. – Телохранитель указал на мой письменный стол, заваленный распечатанными страницами манускрипта. – И посмотрите, что я нашел.

Мелани оторопела и бросила на меня осуждающий взгляд.

– Оружие валяется у вас просто так?

Я помотал головой и взял пистолет со стопки бумаг на столешнице, чтобы спрятать его в ящике стола.

– Я использую его в качестве пресс-папье, разумеется, пистолет не заряжен. Но я люблю подержать его в руке, когда собираюсь описывать перестрелку, – пояснил я уже не таким уверенным голосом, каким хотел бы. – Я писатель, это абсолютно нормально, что в моем кабинете хранятся некоторые принадлежности, необходимые для исследуемого вопроса, – добавил я, когда подозрительный взгляд Мелани задержался на стеклянной банке с раствором формальдегида, в котором плавала отрубленная человеческая кисть.

– Она настоящая? – с отвращением спросила она.

– Нет, – солгал я. На самом деле мне подарил ее друг, работающий в судебной медицине; старый, сильно выцветший экспонат, который был бы утилизирован клиником, не найди он у меня пристанище.

– Обычно кабинет закрыт, и, если это вас успокоит, Йоле нельзя сюда входить, – пояснил я обоим, что соответствовало истине.

Телохранитель улыбнулся с видом «ну, разумеется». Тем временем Мелани положила папку, которуюхватила из гостиной, на письменный стол и вытащила плотно исписанный листок формата А4, который был всунут между подшитыми документами.

– Хорошо, господин Роде. У меня сегодня запланированы и другие встречи, поэтому давайте вернемся к непосредственному поводу нашего визита. Я попрошу вас честно ответить на следующие вопросы.

Она прочистила горло, вытащила из кармана джинсовой куртки карандаш, затем начала зачитывать с листка:

– Как бы вы описали свое эмоциональное состояние, когда услышали о намерении службы по делам несовершеннолетних вернуть вашу дочь в биологическую семью? Пожалуйста, оцените свою реакцию по шестибальной шкале, где единица означает «очень удовлетворен», а шесть – «очень расстроен и рассержен».

– Вы серьезно? – Я чуть было не pokrutil пальцем у виска. – Какой офисный идиот выдумал эту чушь?

Мелани коротко кивнула и что-то записала.

– Как вы относитесь к намерению службы вернуть ребенка в биологическую семью? Единича означает «я одобряю и поддерживаю это» и шесть...

– Семнадцать! – перебил я ее. – Прекратите эту ерунду, давайте вернемся в гостиную и как разумные люди...

Социальная работница снова сделала пометку и, не обращая внимания на мое замечание, продолжала невозмутимо зачитывать пункты своей дурацкой анкеты:

– Вы будете противиться возвращению Йолы в биологическую семью?

Я истерично рассмеялся:

– Даже не сомневайтесь. Причем всеми возможными средствами.

Мелани впервые подняла глаза от анкеты.

– Господин Шодров?

Стоявший рядом со мной телохранитель молча кивнул.

– Пожалуйста, приведите Йолу.

– Что, что, что... – Заикаясь, я схватил качка за рукав, не давая ему протиснуться мимо меня. – Что вам нужно от моей дочери? – спросил я Мелани.

– Мы заберем ее с собой, – ответила она почти равнодушно, словно я поинтересовался, который час или какая погода.

Я чувствовал себя героем какого-то романа Кафки.

– Заберете с собой? Это какой-то абсурд. У вас нет на это права. И повода.

Мелани склонила голову набок. На губах появилась насмешливо-высокомерная улыбка.

– Думаю, у меня есть и то и другое. – Она помахала анкетой, как веером, и меня бросило в холод.

– Вы дали ясные показания для протокола, что противитесь восстановлению отношений ребенка с биологическими родителями и, я цитирую, будете препятствовать этому «*всеми средствами*». Если мы сейчас ничего не предпримем, господин Роде, существует опасность, что вы захотите спрятать Йолу от представителей службы по делам несовершеннолетних и при содействии вашей жены, пилота, возможно, даже вывезти ее за пределы страны. Учитывая те обстоятельства, что в последние недели вы избегали любой формы общения...

– Я вовсе не...

– ...а у Йолы появились странности в поведении...

– Глупости. У нее нет никаких странностей. Просто она... – Мы старались перекричать друг друга, стоя в моем небольшом кабинете.

– ...должна сообщить вам, что Йола будет временно помещена в приют.

Приют?

Одно-единственное слово спровоцировало у меня так называемую реакцию короткого замыкания.

Приют!

Над последующими действиями я уже не задумывался: выскочил из кабинета, вытащил ключ из кармана брюк, захлопнул дверь и запер ее снаружи; потом пересек прихожую, распахнул входную дверь и бросился вниз по лестнице. Этажом ниже забарабанил в квартиру Денниса, который открыл мне с испуганным лицом и сначала спросил, не случилось ли чего-то ужасного, но мигом привел мою дочь, после того как я накричал на него, схватил за плечо и принялся трясти. Йола, которая сначала не хотела идти со мной («Ты выпил, папочка?»), в конце концов позволила стащить себя за руку вниз по лестнице и не без сопротивления села в «жук» – я так резко сдал назад, что сбил две цветочные кадки.

В общем и целом, с того момента, как я запер соцработников в своем кабинете, до той секунды, когда машина задним ходом выскочила на дорогу и, проскользив по проезжей части, остановилась на встречной полосе, прошло не более трех минут.

Для того, кто слетел с катушек и не имел никакого плана, что делать дальше, я действовал быстро. Даже очень быстро.

Но недостаточно быстро для полиции – видимо, с ними связалась Мелани, оказавшись взаперти, – чьи приближающиеся сирены звучали все громче.

Глава 13

– Папа?

Я нажал на педаль газа и почувствовал себя как в комиксе: казалось, я начал движение на месте еще до того, как шины успели сцепиться с влажной после дождя дорогой.

– Папа?

Шум мотора нарастал быстрее, чем скорость, которую «жук» в тридцать три лошадиные силы с трудом развивал на Кёнигсалле. Хордовая полусельская магистраль в Целендорф пересекала Груневальд и, как водится в это послеобеденное время, была полупустой. Метрах в трехстах перед нами светились задние фонари двух автомобилей, за нами в зеркале заднего вида никого. Пока.

Очень скоро я рассчитывал увидеть там голубые огни мигалки.

– Па-а-апа!

– Пристегнись! – велел я Йоле, быстро взглянув в ее сторону. На лице Йола был написан испуг, глаза широко раскрыты, уголки рта ушли в сторону.

– Куда мы едем? – перекричала она ревуший мотор. Запах бензина наполнил салон, и это усилило мой страх.

– Не бойся, – сказал я и вытащил из куртки-бомбера сотовый телефон, от волнения чуть не уронив его себе под ноги. – Я потом тебе объясню.

Мой «жук» был 1972 года выпуска, зато телефон последнего поколения. Мне нужно всего лишь нажать на кнопку и назвать имя – и аппарат тут же свяжет меня с желаемым контактом.

– Макс? – Уже после второго гудка ответил Тоффи спокойным настоятельным голосом. – Что случилось?

Я набрал «экстренный номер» защитника по уголовным делам, который тот давал своим мандантам с условием, что они воспользуются им только в крайнем случае. В тот вечер, когда мы отмечали в его адвокатском бюро выход в свет романа «Школа крови», я ради смеха сохранил этот номер, чтобы во время интервью, когда пойдет речь о серьезности моих изысканий, похвастаться личным контактом с одним из опытейших адвокатов Германии. И я никогда не рассчитывал, что мне действительно придется набрать его.

– Я... у меня проблемы, – ответил я. Наверняка он слышит это предложение ежедневно. Произносящие его люди финансируют страсть Тоффи к олдтаймерам¹³ и его бюро размером две тысячи квадратных метров на Потсдамерплац¹⁴.

– Что случилось? – коротко спросил он. Дождевые капли колотили по лобовому стеклу, вздуваясь пузырями при каждом ударе. Мы мчались мимо темных деревьев, ветви которых склонялись над дорогой, образуя что-то вроде свода.

– Я... мне кажется, я похищаю свою дочь.

– Йолу?

– Да.

– Почему?

– Мелани Пфайфер, сотрудница органов опеки, хочет ее у меня... у нас забрать.

Йола, сидящая рядом, открыла рот, но ничего не сказала. Она выглядела так, словно я ее ударил.

– Она должна вернуться к своим биологическим родителям... – объяснил я Тоффи. – Но... я не могу этого допустить. Ты знаешь их историю.

¹³ Олдтаймер – раритетный автомобиль.

¹⁴ Потсдамерплац (Потсдамская площадь) – историческая площадь в центре Берлина.

Казалось, Йола вжалась в кресло под тяжестью моих слов, съежилась, словно ожидала новых ударов. Я хотел успокоить ее, похлопать по плечу, но в правой руке я держал телефон, а левой рулил.

– Ладно. И где ты сейчас?

– В машине. Йола со мной и...

Я запнулся.

В зеркале заднего вида появились огни мигалки.

– ...и полиция гонится за нами.

Я обернулся. Патрульная машина быстро нагоняла нас. Расстояние примерно в двести метров таяло на глазах.

– Ладно, Макс. Слушай меня. Ты сейчас остановишься.

Я помотал головой:

– Нет, я не могу...

– При следующей возможности. – После каждого слова Тоффи интонацией ставил восклицательный знак.

Не отпуская педаль газа, я мчался к перекрестку Кёнигсалле и Хюттенвег. Одна часть моего сознания еще размышляла, куда лучше повернуть – направо к автобану или налево в направлении Далема. Другая часть давно капитулировала.

– Красный.

– А когда они тебя арестуют, помни про правило номер один, хорошо?

– Да!

Правило номер один: веди себя как картезианские монахи.

– Ни слова. Храни обет молчания.

– Красный.

Я моргал, дворники едва поспевали за дождем.

– КРАСНЫЙ СВЕТ!

Предупреждение Йола я услышал в последнюю секунду. Резко затормозил – наши головы дернулись вперед. «Жука» мотнуло в сторону, но машина не потеряла равновесие и остановилась чуть дальше по дороге, прямо под светофором.

– Вот дерьмо, – сказала Йола и подергала за ручку на своей двери. К счастью, от волнения не сумела ее открыть.

– Мне очень жаль, мне очень жаль, – залепетал я и хотел взять Йолину ладонь, но она откинула мою руку в сторону. По ее лицу текли слезы; в красном свете светофора казалось, будто ее глаза кровоточат.

– Йола, малышка. Я не хотел напугать тебя, мне очень жаль, – повторял я. Мне не удалось ее успокоить, но Йола хотя бы не пыталась больше выйти из машины.

Я глубоко выдохнул, посмотрел в зеркало заднего вида. И онемел.

– Очень странно, – сказал я в телефон, который все еще прижимал к уху.

– Что?

– Больше никого нет.

Голубая мигалка пропала. Полицейской машины, ехавшей за нами, больше не было видно.

– Исчезли, – сказал я и посмотрел по сторонам.

Ничего.

Ни одного автомобиля, нигде.

– Хочешь сказать, полиция свернула? – спросил Тоффи.

– Здесь невозможно свернуть.

Только лес.

– Ты видела, куда они поехали, Йола?

Ответа не последовало.

Они могли лишь развернуться и поехать обратно, но в таком случае я должен видеть хотя бы огни их задних фонарей на этой прямой дороге.

– Исчезли, – снова сказал я.

– Ладно, хорошо. – Видимо, Тоффи это раздражало меньше, чем меня. – Когда ты сможешь приехать ко мне? – спросил он.

Загорелся зеленый сигнал светофора.

– На Потсдамерплац?

Колени у меня дрожали, икры казались резиновыми, когда я нажал на сцепление, чтобы включить первую передачу.

– Нет, сегодня я работаю дома.

Значит, в Штеглице, Дракерштрассе.

Я медленно покатился к перекрестку, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида и в любой момент ожидая, что из темноты леса выскочит патрульная машина и помчится к нам. Но я ошибался.

– Полагаю, мы будем у тебя через десять-пятнадцать минут и...

Сзади никто не появился.

– ...и тогда я расскажу тебе в подробностях, что случилось...

Зато сбоку!

Сильный удар откинул «жука» в сторону, и он, как косточка, закрутился вокруг своей оси.

– Йо-о-о-о-о-о... – начал я кричать имя своей дочери, которая вдруг оказалась рядом со мной вниз головой, но от резкой неожиданной боли у меня перехватило дыхание. Я услышал шум, словно какой-то великан вскрывал крышу машины консервным ножом. Послышался хруст стекла. И мне стало холодно.

Яркий свет ослепил меня, затем неожиданно наступила темнота. Терять сознание сначала было приятно, потому что жгучая боль, пронзающая левый глаз, не проникала дальше в мозг. Словно я со свинцовым грузом прыгнул в болото и увяз в нем по пояс, и все внутри меня кричало, чтобы я покорился силам, затягивающим меня в пучину. Но этого нельзя допустить.

Я ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ В СОЗНАНИИ!

Собрав последние силы, я приподнял правое веко (только одно, открыть второе уже не получалось) и сквозь кровавую пелену увидел голову Йола, которая моталась рядом со мной, как маятник. На мгновение я засомневался, не сон ли все это, потому что мне вдруг померещился нож. Затем Йола упала вниз, с грохотом приземлившись на крышу автомобиля, который сейчас буквально лежал, как жук на спине, и я понял, что кто-то пришел на помощь и разрезал ее ремень безопасности.

Хорошо. Очень хорошо.

Я хотел поблагодарить спасителей, но не смог произнести ни звука, потому что ремень сдавливал мне шею.

Последнее, что я увидел, были руки, которые вытащили мою бесчувственную дочь наружу, на асфальт; в салоне все сильнее пахло бензином. Я хрипел, преодолевая боль, пытался дышать ртом, почувствовал привкус крови и закрыл глаза с твердым намерением передохнуть всего секунду.

Потом я услышал сирену машины скорой помощи, и волна боли накрыла меня, подавила сознание и увлекла в зияющую темную пропасть – глубже и темнее, чем все места, где я до сих пор бывал.

Глава 14

Я просыпался дважды.

Один раз с каким-то посторонним предметом в левом глазу – когда я моргал, мне казалось, что в глаз попал осколок стекла. Рядом со мной лежала старая бездомная женщина с грубой кожей на лице, она улыбнулась, сунула мне в ухо язык и прошептала: «Вам нужно бежать, пока не поздно». Резкий запах мочи ударил мне в нос: он пропитал одежду женщины, ее волосы и матрас, на котором я лежал. Затем старуха открыла рот – у нее оттуда посыпались зубы, и я догадался, что один сон сменился другим.

Второй раз, когда я действительно проснулся, вокруг меня пахло дезинфицирующими средствами и сильно крахмаленным постельным бельем, но все это сбивало с толку не меньше, чем обстановка во сне.

Я открыл правый глаз. Попытался открыть и левый – безуспешно. Либо потому, что тот был заклеен, либо по другой, более удручающей причине. Яркий свет продолговатой галогенной лампы ослепил меня. Я поморгал, потом увидел перед собой белую стену, телевизор и поручень, который болтался прямо над моей кроватью.

Прошло какое-то время, прежде чем я понял, что нахожусь в больнице. И еще больше, пока я узнал женщину, которая сидела рядом с кроватью и сжимала мою руку.

– Ким?

Нижняя губа моей жены заметно дрожала.

– Ты здесь?

Ее светлые волосы заплетены в косу, сама Ким по-прежнему в униформе пилота – получается, она приехала сюда напрямиком из аэропорта.

Черт, значит, уже среда.

Сколько я здесь пролежал? Мягкий утренний свет проникал внутрь помещения через волнистое оконное стекло и заставлял тонкую пыль танцевать в воздухе, как планктон в воде.

Я хотел поднять руку, чтобы посмотреть на часы, но в следующий момент почувствовал себя слишком изможденным для этого.

Последнее, что я помнил, – это как я сижу в классной комнате, напротив меня две учительницы, и это было... *правильно, вчера, когда Йола...*

Нет!

Со звуком разбивающегося стекла ко мне вернулись воспоминания. Во всех мелких ужасных подробностях.

Визит.

Побег.

Авария.

– Йола! – прохрипел я и хотел приподняться, но затея полностью провалилась. Под моей черепной коробкой словно кто-то взорвал ручную гранату. Я схватился за виски в нелепой попытке погасить взрыв и обнаружил, что на голове у меня повязка.

Ким уложила меня обратно в кровать.

– Что случилось? – спросила она.

Наконец-то у меня открылся и второй глаз. Я моргнул и ощутил давление и колющую боль. Вспомнил звук треснувшего лобового стекла.

– Пожалуйста, скажи мне правду.

У Ким были покрасневшие глаза, наверное, как и у меня. Припухшие веки, потрескавшиеся губы, по ее дыханию я чувствовал, что она выпила не одну чашку кофе, пытаясь побороть усталость, и мечтал, чтобы она обняла меня, как часто делала раньше.

– Я... я не знаю... – Мне было тяжело говорить. – Это... был... несчастный случай. За нами гналась полиция...

– Полиция? – удивленно воскликнул чужой мужской голос.

Слева от меня я заметил тень и повернулся в ту сторону. Еще одна граната бесшумно разорвалась.

– Кто вы? – спросил я, когда волна боли несколько утихла, позволяя мне снова открыть правый глаз. Незнакомый мужчина, стоявший рядом с моей кроватью, был одет в светло-серый костюм, рубашка небрежно заправлена в брюки. Документ, который он мне протягивал, вероятно, удостоверял его как сотрудника полиции. А может, он просто показал мне свою семейную карту ИКЕА. Из-за белых пятен, которые танцевали самбу в моем ограниченном поле зрения, я не мог различить.

– Главный комиссар Филипп Стойя, – представился он. – Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно аварии...

Значит, полиция, хорошо. Вероятно, он был в той патрульной машине, которая преследовала нас. Я вспомнил, как кто-то разрезал ремень безопасности.

– Это *вы* вытащили Йолу из «жука»? – спросил я полицейского.

– Я? – Стойя помотал головой. – С чего вы взяли?

– Да уже не важно, кто это был, – сказал я. – Главное, с ней все в порядке. – Тут я испугался. Ужасное подозрение закралось мне в душу.

– С ней ведь все хорошо? – Я взглянул на жену, которая испуганно прикрыла рот рукой. *Нет, пожалуйста, только не это! Только не говорите мне, что...*

– Как она? – прохрипел я. Мне хотелось кричать, но голос отказал.

– Только спокойно, господин Роде. Давайте все по порядку. Я хотел бы задать вам несколько вопросов по обстоятельствам несчастного случая...

– Отстаавииить! – Дверь больничной палаты распахнулась, и кто-то, по звукам напоминающий небольшого слона, уверенно протопал в комнату.

Я услышал, как комиссар тихо произнес: «Дерьмо».

– Именно, Стойя. Дерьмо. На самом деле очень подходящее определение для вашей профессиональной ситуации, когда я разберусь с вами.

На этот раз мне не пришлось поднимать голову, чтобы удостовериться, кто пришел.

Кристоф Маркс.

Тоффи.

Мой друг и адвокат...

Живой пример тому, что не стоит судить человека по его внешнему виду. Его адвокатское бюро располагалось в самой дорогой высотке города, но тот, кто ожидал увидеть благородно сидящего адвоката в костюме, сшитом на заказ, был шокирован, когда на первой встрече неожиданно появлялся волосатый крепыш ростом метр с небольшим, в бейсбольной кепке, шлепанцах и шортах-бермудах. У Тоффи был не только своеобразный стиль в одежде (которому он оставался верен даже зимой!), но и самый большой нос, какой я когда-либо видел. Не нужно много фантазии, чтобы догадаться: школьные годы были для него настоящим адом. Учитывая все унижения и оскорбления, которые Тоффи сносил вплоть до окончания школы, можно считать чудом, что общественность знала его как звездного адвоката, а не как главного героя сообщений СМИ об обезумевшем преступнике, напавшем на нойкельнскую¹⁵ гимназию. Прокуроры, полицейские и даже судьи побаивались его умных шахматных ходов и язвительных насмешек, которыми он одаривал всех, кто уступал его необыкновенному интеллекту. И без диплома психолога любой сторонний наблюдатель скоро понимал, что вербальные атаки Тоффи – это запоздалая месть всем идиотам, кто травил его и издевался над ним в школе.

¹⁵ *Нойкельн* – иммигрантский район Берлина.

– Что вы тут стоите и пялитесь, как корова во время колоноскопии? – Тоффи похлопал в толстые ладоши. – Хоп, хоп, хоп, прочь отсюда, домой к маме, пора обедать.

– Тоффи, пожалуйста, – взмолился я. Все внутри меня просто кричало, требуя новостей о состоянии здоровья Йола. Я не хотел скандалов между мужчинами, тем более с налетом стрессовости. – Может, главный комиссар сообщит нам сначала о...

– Нет! – Ледяной взгляд Тоффи, как и новая волна боли, вызванная моей очередной попыткой приподняться на кровати, заставили меня замолчать.

– Не перебарщивайте, – сказал Стоя. – Я просто хочу поговорить с господином Роде.

– Идите к психиатру, если вам нужно с кем-то поговорить. Он арестован?

– Нет.

– У вас есть ордер на арест?

– Я могу его получить, но...

– Отлично. А я могу испортить воздух, когда сижу в туалете.

– Вы омерзительны, – сказал Стоя. – Я никуда не уйду, пока не сниму показания.

Тоффи криво улыбнулся.

– О, Стоя, еще как уйдете. Пока у вас есть выбор: или вы вернетесь за свой Commodore C64¹⁶ – или каким там чудом техники для борьбы с преступностью вас снабдил нищевродский городской сенат – и до конца дня сто раз напечатаете на компьютере фразу «нельзя приставать к невиновным гражданам в больнице». Или же сразу отправитесь к пункту выдачи светоотражающих жилетов. Он понадобится вам на посту регулировщика движения, куда вы попадете, как только я сообщу прессе, что, нарушая все права моего манданта, вы проникли в палату тяжелобольного пациента, чтобы принудить его к даче ложных показаний.

– Ложные показания? Какая глупость, и вы это знаете, – возмутился Стоя, правда уже не так уверенно. Спектакль, разыгранный Тоффи, возымел действие. Как это часто бывало.

Ища поддержки, Стоя перевел взгляд на Ким, но она лишь устало пожала плечами. Тогда он мрачно признал свое поражение и, не попрощавшись, покинул палату.

Самодовольная улыбка Тоффи исчезла в тот же момент, когда за полицейским с грохотом захлопнулась дверь. Зато его толстый лоб пересекла глубокая морщина.

– Разве я не предупреждал, чтобы ты не разговаривал с фараонами?

Я снова моргнул, и наконец мне удалось открыть левый глаз. В этот момент в голове у меня всплыло предупреждение другого мужчины, которое также было озвучено в больнице: *«Вам ни в коем случае нельзя нарушать закон!»*

Мой пульс зачастил, сердечные клапаны завибрировали со скоростью трепещущих крыльев колибри. Горло стянуло невидимой петлей, и я мог выдать одно-единственное слово:

– Йола?

Оба подошли ближе. Ким справа, Тоффи слева.

И оба помотали головами. Я подумал о полицейских перед домом жертвы несчастного случая – губы плотно сжаты, в глазах сочувствие, которое опережает новость, которую они должны сообщить близким.

– Нет! – прохрипел я. – Этого не может быть!

Потом я услышал свое имя и снова открыл глаза, которые, видимо, успел закрыть.

Ким и Тоффи уже не качали головами. Вместо этого они почти синхронно раскрыли рот и задали мне вопрос, который вызвал у меня ощущение, как перед обмороком, только в этот раз я оставался в сознании.

– Где она? – спросили они меня. – Где, черт побери, ты спрятал Йола?

¹⁶ Домашний компьютер с 64 КБ оперативной памяти, выпускался компанией Commodore International с 1982 по 1994 г.

Глава 15

– Я? – Моя голова разрывалась, словно от ударов молний, хотя я кричал не так громко, как хотел бы. – Это вы должны мне сказать! Йолу вытащили из автомобиля.

– Из автомобиля? Какого автомобиля? – спросила Ким, с трудом сдерживаясь. Глаза, губы, лоб, практически каждый мускул на ее лице нервно подергивался.

– Из «жука»! Сразу после аварии!

– После какой аварии? – спросил у меня Тоффи.

У меня отвисла нижняя челюсть. Должно быть, он шутит. Я указал на свою голову:

– Как ты думаешь, почему у меня эта повязка и я лежу в больнице?

– Это нас тоже интересует, – ответил Тоффи и посмотрел на Ким. – А еще больше – что случилось с твоей дочерью.

– Я... я... – *понятия не имею, что здесь происходит.*

Последнее, что я помнил, был нож, разрезающий ремень безопасности Йолы, и руки, вытаскивающие ее из машины.

– Вероятно, у него амнезия, – предположил Тоффи после того, как я некоторое время смотрел на обоих не шевелясь.

– Нет, глупости, нет у меня никакой амнезии. Я помню, мы были на Кёнигсаллее... э-э... служба опеки... полиция...

Где Йола? Мысль, которая, как рулеточный шарик, вертелась в моей раскалывающейся от боли голове, не давала мне сконцентрироваться и говорить полными предложениями.

– Ладно, только спокойно, – обратился Тоффи как ко мне, так и к Ким, которая нервно вертела обручальное кольцо, и казалось, вот-вот набросится на меня.

– Так что последнее ты помнишь, Макс?

– Удар сбоку. – Я закрыл глаза и снова услышал скрежет металла по асфальту. – За нами гналась полиция, но неожиданно они исчезли и... – Вдруг я все вспомнил. – Ты же должен знать, Тоффи. Мы как раз говорили с тобой по телефону.

Мой друг и адвокат кивнул.

– Связь неожиданно оборвалась. Сейчас ты говоришь, что из-за столкновения?

– Конечно. Или ты думаешь, «жук» сам собой перевернулся?

– Понятия не имею, о чем ты. Протокол о какой-либо полицейской операции на Кёнигсаллее отсутствует, а твой автомобиль пока не найден.

Не найден?

– А откуда тогда вы меня вытащили?

– Из одного здания под снос в Моабите¹⁷.

Что-о-о? Я заморгал, пытаюсь в целом осознать слова, которые по отдельности понял акустически, но у меня ничего не получилось.

– Точнее, из какого-то старого полуразрушенного склада у Западного порта. Но пока груша для сноса не раскачивается над головами, в здании устроились берлинские наркоманы.

– Ты несешь какую-то ерунду, – сказал я в слабой надежде, что в следующую секунду раздастся смех, откроется дверь и в палату войдет полицейский и хохочущая Йола с насмешливым «а мы тебя провели». Потом я подумал о беззубой старухе из моего сна, вони и о том, что во сне очень редко чувствуешь запахи.

– Йолы нет? – отважился я спросить немыслимое. Чувство онемения распространилось вниз от моих ушей до плеч, страх за дочь притупил все ощущения, даже боль.

– Нет, ее нет.

¹⁷ *Моабит* – район в центре Берлина, известен расположенной в нем одноименной тюрьмой.

– Ни дома, ни у одноклассников, ни на плавании, ни в этом ужасном доме, ее вообще нигде нет, – встряла Ким и всхлипнула. – Она пропала восемнадцать часов назад, все это время ты валялся в отключке в наркотическом опьянении. – Ее голос дрогнул. – Что ты с ней сделал, Макс?

Я с трудом сглотнул, пытаюсь побороть слезы.

– Еще раз повторяю, я ничего не сделал. *Тем более не принимал наркотики.* Я просто увез ее из квартиры...

– Зачем?

– Они были у нас.

– Кто?

– Служба по делам несовершеннолетних.

– Почему? – Вопросы сыпались все быстрее.

– Потому что они хотели забрать Йолу. Ты не поверишь, что они устроили. Пришла Мелани. Принесла с собой документы, заключение какого-то психиатра, якобы родители Йолы ресоциализированы и...

– Глупость, – перебила она меня.

– Да. Я тоже ей так сказал. Такая же глупость, как и то, что мы якобы отменили несколько встреч и не реагировали на письма...

– Чушь! – закричала моя жена, и я понял, что она ставит под сомнение не действия органов опеки, а мои слова.

– Мелани была у нас абсолютно точно не для того, чтобы забрать Йолу.

– Ах нет? Тогда я беседовал с духом или как?

– Понятия не имею, что с тобой. Но ты несешь какой-то бред!

– Я только что позвонил в службу по делам несовершеннолетних, – вмешался Тоффи. – Спросил женщину, чье имя ты назвал мне по телефону.

Я поднял брови и ждал, что он скажет.

– Все так, как говорит Ким. Она там больше не работает.

Что-о-о?

– Мелани Пфайфер уволилась месяц назад. К вам прикрепили другого сотрудника. У них так много работы, что он даже не успел с вами познакомиться.

– Тогда они вовсе не хотели забрать у нас Йолу?

Тоффи помотал головой.

– Вот это и странно в твоей истории, Макс. Не существует ни вчерашнего наряда полиции, ни свидетелей аварии, и даже Мелани Пфайфер больше нет, только заявление биологических родителей на возвращение дочери. Но это требование не обязательно должно быть удовлетворено сегодня и уж точно не без предварительных слушаний, даже если вы и правда не ответили на десяток писем и обращений.

Мне стоило больших усилий поднять правую руку и почесать глаз. Он слезился и был намазан какой-то мазью.

– Деннис может это подтвердить, – пришло мне в голову. – Он видел визитеров.

– Сосед с нижнего этажа? Мы уже говорили с ним, когда разыскивали Йолу. – Тоффи покачал головой. – Он рассказал нам только про какого-то мужчину. Описание подходит скорее Халку Хогану¹⁸, а не Мелани.

Черт, все правильно. Деннис ведь заметил только Мистера Телохраниителя.

Дверь открылась. Я рассчитывал увидеть врача или медсестру – пока что никто из медперсонала не появлялся, – но это вернулся Стояя, и не один. Вместе с ним в палату врыва-

¹⁸ Хоган Халк – американский рестлер, актер и шоумен.

лочку вошел высокий, очень молодой полицейский в униформе, черные короткие волосы были начесаны на лоб до самых глаз.

– Чего вы опять хотите? – спросил Тоффи и встал перед обоими.

Вместо ответа, Стоя потянулся к ремню за спиной, отстегнул наручники и покачал ими в воздухе:

– Закончить начатое. Ваш подопечный арестован.

Тоффи рассмеялся:

– Ах, прекратите, что за фокусы? Сколько вас не было... десять минут? За это время невозможно раздобыть приказ об аресте.

– Он мне и не нужен. Результатов домашнего обыска достаточно для временного заключения под стражу.

Ким открыла рот, но Тоффи опередил ее, разыграв театральный приступ ярости:

– Вы обыскали квартиру моего манданта без ордера?

– Мы получили звонок с жалобой на нарушение тишины.

– Дайте я угадаю. Снова анонимный, как и тот, что сообщил вам о кокаиновом доме?

– Хотите услышать честный ответ? – Стоя рассмеялся после искусственной паузы. –

Поцелуйте меня в задницу!

Тоффи покачал головой.

– Слишком много работы. При моем тарифе и вашей жирной заднице натикает две тысячи евро, а я не закончу и с одной ягодицей.

Тоффи сделал знак, который должен был меня успокоить, но без валиума это было уже невозможно.

Они хотят меня арестовать?

Больше всего меня испугала мысль, что в таком случае я не смогу искать Йолу. Стоя обратился напрямую к моей жене:

– Дверь вашей квартиры стояла нараспашку...

– Возможно, в спешке я забыла запереть ее, – возбужденно ответила Ким, на лице выступили красные пятна. – Я прилетела сегодня утром и, ненадолго заехав домой, сразу же помчалась сюда в больницу.

– Ну, в гостиной гремела музыка.

– Но этого не может быть, я...

– ...а выключив динамики, наши сотрудники нашли к тому же пистолет.

Тоффи вздохнул, как футбольный фанат после неудачного одиннадцатиметрового удара.

– Мой мандант – автор триллеров, вы что, хотите бросить его в следственный изолятор из-за пресс-папье?

– Подозрение в употреблении наркотиков и незаконном владении оружием – для начала мне этого достаточно, а возможность побега он сам мне только что подтвердил, когда сознался, что его преследовала полиция. Посмотрим, когда проанализируем данные на его ноутбуке.

Наркотики. Пистолет. Шум. Ноутбук. Следственный изолятор.

Хотя речь в этом диалоге шла о моем будущем, о моей свободе, я слушал – в прямом смысле слова – одним ухом. Сейчас я уже был уверен, что сошел с ума. Потому что другим ухом я слышал голоса. Точнее, один голос. Ясный, отчетливый, который не спутаешь ни с чьим другим: голос моей дочери.

– Пожалуйста, не говори ни слова, папа, – шептала она. – Пожалуйста, папа, ни слова. Иначе он убьет меня.

Глава 16

Я сдвинулся в кровати вперед, резко сел и схватился руками за голову, там, где повязка закрывала наушник, который я не замечал все это время из-за общего давления в черепе. Громко вскрикнул: от ужаса, страха и не в последнюю очередь из-за боли, которую вызвали мои резкие движения.

Тоффи, Стойя и Ким испуганно посмотрели на меня, но, к счастью, списали мой припадок на состояние здоровья.

– Пожалуйста, лежите спокойно и не доставляйте нам лишних проблем, – осадил меня Стойя, который, видимо, решил, что я собираюсь противиться аресту. – Главный врач придет через несколько минут и решит насчет перевода.

Его слова меня не интересовали. Я кивнул, но это была реакция на вторую фразу Йолы:

– Пожалуйста, папа, ни слова. Иначе он меня убьет.

ОН?

Йола хрипло шептала, словно потеряла голос из-за тяжелой простуды. Так она обычно сипела, когда много плакала или когда у нее что-то болело. Я пытался абстрагироваться от конфликта, вновь разгорающегося между Тоффи и Стойей, и сконцентрироваться на своей дочери, которой хотел задать сразу десятки вопросов:

Где ты? Как ты? Что с тобой сделали? Кто это «он»? И самое важное: что, черт возьми, мне нужно сделать, чтобы снова обнять тебя?

Но вместо вопроса из моего рта вырвался только жалобный стон. Страх за Йолу трансформировался. Еще несколько секунд назад меня мучила неизвестность, а сейчас уже парализовала уверенность, что Йоле угрожает смертельная опасность.

– Рядом со мной сидит мужчина с пистолетом, – сказала она. – Он застрелит меня, если ты издашь хотя бы один звук и не выполнишь все, что я прочитаю с листка, который он мне дал.

Боже праведный! Я моргнул и зажмурился. Снова открыл глаза. Йола шмыгнула носом, ее голос стал громче.

– Открой ящик туалетного столика!

Я посмотрел налево, в сторону серой тумбочки на колесиках, на которой стоял кнопочный телефон и пустой почкообразный тазик из бумаги. Спор, в который вмешалась уже и Ким – «Да нас всех интересует, что случилось!», – словно переместился за акустическую завесу и доносился до меня лишь в виде приглушенного бормотания. Зато голос Йолы звучал все увереннее, хотя в нем по-прежнему слышался безграничный страх.

О господи, неужели это... нет... этого просто не может быть.

Я открыл ящик тумбочки и не поверил своим глазам.

– Достань ее! – приказала мне дочь.

Тоффи подозрительно покосился на меня, но затем снова повернулся к Стойе, которого не интересовало, что я дотянулся до тумбочки. В связи с чем я мог абсолютно беспрепятственно смотреть на предмет, который Йола уже во второй раз велела мне взять в руку. Если до этого у меня и были определенные подозрения о безысходности положения, то сейчас они окончательно исчезли.

Этого не может быть...

Йола непременно умрет, если я буду противиться этим дистанционным приказам. Так что я подавил внутреннее желание довериться другим и попросить о помощи.

И сунул руку в ящик.

Одновременно открыл рот и произнес то, что поневоле диктовала мне Йола. Слово в слово я повторил:

– Можете больше не искать Йолу. Она в моей власти, и я ее убью.

Слова разорвались в воздухе, как новогодние петарды.

Тоффи, Стоя и Ким повернули ко мне головы, потрясенные, уставились на меня и только после секундного оцепенения заметили ручную гранату, которую я протягивал в их сторону.

Глава 17

ЙОЛА

«И вас я тоже убью, если вы приблизитесь ко мне».

Йола услышала, как ее отец повторил и это предложение, которое она вынудила его прозвучать. Его голос звучал глухо, издали, словно он говорил через тряпку.

Она сидела на полу в позе лотоса, привязанная спиной к деревянному столбу, в ногах лежала оранжевая радиостанция, которая напоминала водонепроницаемую переносную рацию, которая всегда висела на поясе у ее тренера по плаванию. Видимо, она работала в непрерывном режиме, потому что из динамика раздавались суетливые голоса. Двое мужчин и женщина, которая напоминала ее мать, перекрикивали друг друга:

– Ты спятил?

– Что это?

– Господи... положи эту чертову итуковину!

– Спокойно, господин Роде, только спокойно!

Отец Йола выполнял указание. Он не произносил больше ни звука.

– Слева от тебя стеной шкаф. – Йола продолжала считать текст, напечатанный с широкими межстрочными интервалами. Листок в ее руках дрожал. Удивительно, но голос при этом оставался спокойным. Намного спокойнее, чем пламя свечи в полуметре от нее – единственный источник света в этой темнице без окон.

Час назад неизвестный, лица которого Йола не видела, потряс ее за плечо и разбудил. Сначала она кричала, потом сильно плакала, заметив толстую, как судовой канат, веревку, которой была привязана к этому столбу. Сейчас ее состояние можно было бы описать словом «одеревенение» или, еще лучше, «онемение», как последний раз у зубного врача, когда ей сделали обезболивающий укол, только сейчас Йола ощущала дискомфорт не только в щеке, но почти во всем теле.

Йола сглотнула. Еще немного – и она наделает в штаны. Ее мочевой пузырь распирало, как всегда, когда она испытывала страх.

Нет, сейчас его распирает в тысячу раз сильнее.

Потому что *такого* страха она еще не знала, на ум ей пришло слово «шок», Йола получила пять с плюсом за реферат на эту тему. Дышать было тяжело. Йола пыталась делать то, что господин Штайнер показывал им на занятиях спортом, если начинает колоть в боку, *двадцать один, двадцать два, двадцать три... и снова вдох...* но идиотский счет никогда не помогал во время кросса, а тем более здесь, в этой, этой... *хижине?*

Она понятия не имела, где находится, свеча в ногах освещала только небольшой радиус вокруг – его было достаточно, только чтобы разглядеть, что пол сколочен из грубых деревянных досок. И что к подошвам тяжелых рабочих ботинок ее похитителя прилипла влажная листва.

Незнакомец стоял в метре, на нем была черная куртка с капюшоном, темный нашейный платок, натянутый до самых глаз, закрывал лицо. Она вспомнила комментарий Штеффена, ее лучшего друга и соседа по парте – *«байкерская паранджа»*. Шутка, которую она не поняла, пока папа не объяснил.

Мужчина, постоянно переступавший с ноги на ногу, сделал нетерпеливый жест оружием. Йола послушалась и прочитала дальше:

– В правом отделении лежит пластиковый пакет. Возьми его.

Йола вытерла локтем лоб. Она уже опасалась, что открылась рваная рана над правым глазом, там, где она ударилась головой, когда «жук» перевернулся. Но это был всего лишь пот.

«Вообще-то мне должно быть холодно», – подумала Йола. У нее изо рта шел пар, а она по-прежнему была в легкой домашней одежде, в которой папа отправил ее сначала к Деннису, а потом затащил в машину: черные джинсы, зеленый свитер и изношенные сникеры. Конечно, без демисезонной куртки, которая была ей не нужна, чтобы забрать Мистера Триппса.

Черт!

При мысли о коте у Йола на глаза снова навернулись слезы. Совсем недавно она гладила его у себя на коленях и ждала папу, сидя на диване перед телевизором в квартире Денниса, а сейчас панически боится, что никогда больше не вернется домой, не увидит ни папу, ни маму, ни кота.

Йола почесала горло, где у нее, по ощущениям, образовался комок размером с теннисный мяч.

Она размышляла, как незаметно подсказать отцу, где она и как он сможет ее найти.

В фильмах это всегда так просто. Один раз, когда папа и мама были на вечеринке этажом выше, Йола пробралась в гостиную. В детективе, который она тайно посмотрела в тот вечер, похитители сунули девушку в багажник, и та считала повороты, которые делал автомобиль. Позднее она услышала вдали железнодорожный сигнал, но у Йола такой информации не было. Она проспала весь путь сюда. Какое-то адское вещество – вероятно, причина шума в ушах и сухости во рту – все еще затуманивало ее сознание.

Знакомое ощущение. С таким же чувством она уже просыпалась два месяца назад, после того как ждала папу на больничной парковке в Вестэнде.

Сейчас она не знала ни где находится, ни как попала сюда, ни почему скрывающий лицо мужчина ее похитил. И в месте заключения она не заметила ничего особенного, кроме запаха влажного дерева, грубого прогнившего пола и грязи на штанинах похитителя.

И моего дикого страха.

Еще одно движение пистолетом – и Йола прочитала следующее предложение:

– Что бы тебя ни спросили, папа, не отвечай. Никто не должен узнать, что у тебя в ухе под повязкой. Иначе он убьет меня.

Йола чувствовала себя как полгода назад в актовом зале на сцене: она должна была играть Гретель в школьном спектакле. Все происходящее сейчас тоже было только игрой, еще хуже, чем ее версия сказки братьев Grimm. Это ее губы двигались, но вылетающие слова были ей чужды. *Я просто играю роль*, попыталась она обмануть саму себя и сказала:

– А сейчас покинь клинику, немедленно!

Сразу после своего последнего указания Йола услышала, как голоса сначала стали громче, потом глухо хлопнула дверь и шум оборвался.

– Йола? – Раздался голос отца, который, очевидно, остался один и отважился заговорить с ней. – Ты меня слышишь, милая? У тебя все в порядке?

Незнакомец без лица быстро сделал шаг к Йоле, вырвал у нее из рук листок и сунул карточку, на которой стояло одно-единственное предложение:

– Ни слова, папа, иначе он убьет меня!

Только Йола произнесла это, как карточку снова забрали и заменили на другую, которую она тоже должна была прочесть вслух:

– Сейчас ты в бегах. Спрячься где-нибудь, где тебя никто не найдет, и жди указаний. Если тебя схватит полиция...

У Йола вдруг перехватило дыхание, как будто она впервые победила Штеффена в соревновании «кто дольше сможет не дышать». Ей пришлось сделать паузу, за которую пыхтение ее отца стало тише, потому что – если Йола правильно различала звуки – смешалось с уличным шумом. Ей показалось, что она слышит шуршание проезжавших мимо машин, велосипедный звонок, сирену кареты скорой помощи.

– ...или ты обратишься за помощью к полицейским, он меня тут же убьет.

Человек, прячущий лицо, взял у нее из руки карточку, перевернул и отдал Йоле. Слова на обратной стороне не имели для нее никакого смысла.

– Да сейчас, – раздраженно отреагировала она, когда мужчина ткнул в нее пистолетом, потом она прочитала последнее предложение: – Иешуа известен каждый твой шаг. Удачи!

Мужчина самодовольно кивнул, сделал шаг вперед, нагнулся – и выключил радиостанцию.

Глава 18

ФРИДА

Лесбиянка? Не-е.

Би? Хм.

Любопытствующая би? Что это вообще значит?

Мысленно все еще перебирая вопросы анкеты на сайте знакомств, которую она заполнила вчера вечером, Фрида Блум осторожно открыла заднюю дверь своего выдавшего виды минивэна, но все равно не смогла предотвратить, что два пакета сползли из стопки и выпали из багажника на дорогу.

Любопытствующая би... Вероятно, в колонке «сексуальные предпочтения» нужно выбрать эту формулировку, если тебе хочется попробовать с другим полом, но нет уверенности, что это действительно твое. Тогда, наверное, подходит, подумала Фрида и подобрала свертки с асфальта Шпандауэр-Дамм.

Пронесло. Никаких наклеек «Осторожно, стекло», никакого подозрительного звона или клацанья при встряхивании.

Фрида отряхнула уличную грязь с коричневой упаковочной бумаги, забросила оба пакета в багажник и стащила коробку размером с ручную кладь с самого верха горы посылок.

Водитель белого внедорожника посигналил Фриде и, проезжая мимо, показал средний палец. Уже четвертый за утро, кто раздражался из-за того, что она паркуется вторым рядом, – вынужденная необходимость, если Фрида хочет закончить свою смену до десяти вечера.

Она удивилась, что большой пакет такой легкий, потом увидела логотип отправителя «ОптиКК». После книг, обуви и медикаментов очки были последним писком в онлайн-торговле, и Кнут Расмус, проживающий по адресу Шпандауэр-Дамм, 211, главное здание, пятый этаж без лифта, вероятно, заказал сразу всю осеннюю коллекцию.

Беглым шагом Фрида направилась к мощной внушительной деревянной двери шестиэтажного жилого дома.

Расмус, Расмус... Расмус???

Ну вот, отлично.

Пол-телефонной книги на панели со звонками, но нигде нет имени, которое ей нужно. А, да вот же оно. Мелким почерком подписано ручкой под другим арендатором. Фрида позвонила, и удивительным образом ей открыли. В пятидесяти процентах всех случаев заказчика не бывает на месте, и она должна уговаривать кого-то из соседей принять посылку. Компания CargoToGo платила ей паушально. При приеме на работу это звучало очень привлекательно: «Вы работаете самостоятельно, фрау Блум. Можете распределять время как хотите, без всякого стресса». Да пошли вы, грабители. Самостоятельно в этой сфере означает лишь отсутствие социального пакета, что она должна колесить по городу на собственном раздолбанном автомобиле и вдобавок еще доплачивать, если не удастся доставить посылку с первого раза. Инго, один из ее коллег, просчитал в этом месяце, сколько он заработал за последнюю девятнадцатую неделю, и оказалось – в среднем двадцать пять евро в день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.